

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ВАЛЕРИЙ ШАМБАРОВ

ИВАН ГРОЗНЫЙ ПРОТИВ «ПЯТОЙ КОЛОННЫ»

ИУДЫ РУССКОГО ЦАРСТВА

Исторические открытия

Валерий Шамбаров

**Иван Грозный против
«Пятой колонны».
Иуды Русского царства**

«Алгоритм»

2016

УДК 94(47)"15"
ББК 63.3(2)44

Шамбаров В. Е.

Иван Грозный против «Пятой колонны». Иуды
Русского царства / В. Е. Шамбаров — «Алгоритм»,
2016 — (Исторические открытия)

Наша страна, с ее огромной территорией и природными богатствами, всегда была «лакомым куском» для алчных иноземных захватчиков. Но не всегда ее удавалось покорить силой оружия. В таких случаях оставался захват изнутри – использование на нашей территории людей, которые вели бы активную пропаганду, перемежающуюся с определенным рода подрывной деятельностью. У такого явления есть термин – «Пятая колонна». В истории нашей страны примеров такого воздействия, примеров предательства веры и Родины, подлости ради «тридцати сребреников» множество... На кого работали заговорщики в эпоху Ивана Грозного? Кто стоял за организацией Смуты? Почему на Украине простой народ во все времена хотел быть вместе с русскими, а руководство раз за разом предавало? И почему измены в России до сих пор остаются постоянно действующим фактором внутренней и внешней политики? На эти и другие вопросы вам ответит новая книга известного писателя Валерия Шамбарова «Иван Грозный против «Пятой колонны». Иуды Русского царства».

УДК 94(47)"15"
ББК 63.3(2)44

© Шамбаров В. Е., 2016

© Алгоритм, 2016

Содержание

Валерий Шамбаров	6
От автора	7
Узел первый	8
Узел второй	17
Узел третий	24
Узел четвертый	31
Узел пятый	38
Узел шестой	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Валерий Шамбаров
Иван Грозный против «Пятой
колонны». Иуды Русского царства**

© Шамбаров В., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

От автора

Изменники существовали на Руси с самых ранних времен. Как говорится, в семье не без урода. Впрочем, их хватало во всех других странах. Но в нашей истории данное явление обладало важными особенностями. Ведь за русскими границами лежали не просто чужие страны. Там лежала чужая цивилизация. Западная, католическая, весьма алчная и агрессивная. Те, кто склонился на ее сторону, предавали не только правителей. Они предавали веру и весь свой народ. Самые яркие фигуры, вступившие на подобный путь в глубинах прошлого, я представил читателю в первой книге этой дилогии «„Пятая колонна“ Древней Руси».

Однако наша страна с Божьей помощью преодолевала удары внешних и внутренних врагов. В XV в. на развалинах Киевской и Владимирской Руси поднялось могучее Русское царство. Но «пятая колонна» при этом не исчезла. Наоборот, она пустила прочные корни в государственной верхушке. Обрела идеологию западничества, подкрепляющую и оправдывающую эгоистичные выгоды и амбиции. Из отдельных проявлений измены и заговоры превратились в постоянно действующий фактор российской политики. Об этом периоде рассказывает книга, которую вы сейчас держите в руках.

Узел первый «Старцы» и шпионы

Во всех солидных учебниках и трудах по отечественной истории, в исследованиях о духовном прошлом нашего народа разбирается сюжет, как в конце XV – начале XVI в. православную церковь сотрясали споры между нестяжателями, которых возглавлял св. преподобный Нил Сорский, и иосифлянами под предводительством св. Иосифа Волоцкого. Споры жестокие, чуть ли не первый раскол! Нестяжатели требовали отказаться от церковной собственности, конфисковать церковные и монастырские земли, а священникам и монахам жить сугубо собственным трудом. Иосифляне, напротив, отстаивали обогащение монастырей. Разногласия касались и еретиков. св. Иосиф Волоцкий призывал казнить их, а нестяжатели возражали, что действовать надо мягкими мерами, убеждением.

История этого конфликта широко тиражировалась, анализировалась. Ученые и публицисты философски разводили руками – надо же, двое православных святых враждовали между собой! Однако современные исследователи, детально изучив документы, убедительно показали: вся информация о расколе нестяжателей и иосифлян в своей основе взята из одного-единственного источника! Ее автором был «старец» Вассиан Косой. В миру – Василий Патрикеев.

Он принадлежал к высшей аристократии, к Гедиминовичам и Рюриковичам. Его прадед, князь Патрикей Наримунтович, перешел на русскую службу из Литвы. Государь Василий I обласкал высокопоставленного эмигранта, пожаловал обширные вотчины. За его сына выдал собственную дочь. Этот сын, Юрий Патрикеев, и внук, Иван Юрьевич, занимали важнейшие должности московских наместников, воевод. Получали награды, преумножая владения. Иван Патрикеев стал богатейшим человеком в России. Ивану III он приходился двоюродным братом, возглавлял Боярскую думу.

Но в 1470-х гг. в нашу страну внедрилась ересь «жидовствующих». Сектанты целенаправленно старались захватить в свои сети верхушку общества. Среди тех, кто соблазнился, оказались и Патрикеевы. Ересь гнездилась при дворе Елены Волошанки, жены наследника престола Ивана Молодого. В 1490 г. его отравили. Строились планы возвести на трон малолетнего внука Ивана III – ребенка Волошанки Дмитрия Ивановича. Но ведь государь был женат вторым браком на Софье Палеолог, от нее тоже имелся сын, Василий.

В 1497 г. его оклеветали. Патрикеевы и их зять Ряполовский обвинили его, будто он готовит заговор против отца и Дмитрия. Доносили самые знатные, самые доверенные люди! Государь поручил им расследование – если они сумели что-то разузнать, пускай разберутся до конца. Патрикеевы рьяно взялись за дело и подтвердили: заговор существует. У нескольких приближенных Софьи под пытками вырвали признание. Двоих приговоренных четвертовали на льду Москвы-реки, четверых обезглавили. Знахарок, лечивших великую княгиню, объявили колдуньями и утопили. Многие дворяне попали в темницу. Иван Васильевич провозгласил наследником внука Дмитрия...

Однако насчет жены и сына он все-таки сомневался. Что-то не сходилось, совесть была не спокойна. Великий князь допускал, что их охмурили и втянули придворные смутьяны, обошелся с ними довольно мягко. Василия взял под домашний арест, «за приставы на его же дворе». Софью оставил в ее покоях, только не желал с ней видаться. Свои сомнения государь проверял, вел дополнительные розыски. Открывались новые факты. Миновал год, и всплыла истинная картина. Весь заговор Василия оказался клеветой! Иван III еще не знал о тайной организации еретиков. Расценил преступление только как дворцовую интригу: партия Елены Волошанки нейтрализовала соперников.

За клевету по русским законам полагалось такое же наказание, под которое подводились жертвы. Патрикеевых и Рязановского Иван III приговорил к смерти. Но с ходатайствами за столь знатных особ выступил митрополит. А рядом с государем оставались еретики во главе с дьяком Курицыным, уговаривали смягчить кару. Все-таки двоюродный брат, племянник! Великий князь поддался. 5 февраля 1499 г. на Москве-реке, на том же месте, где год назад казнили мнимых заговорщиков, отрубили голову одному лишь Рязановскому. Ивану Патрикееву и старшему сыну Василию казнь заменили пострижением в монахи. Одного отправили в Троице-Сергиев монастырь, второго в Кирилло-Белозерский. Младший сын, Иван Патрикеев, бояре Василий Ромодановский и Андрей Коробов отделались заключением.

Основная борьба с «жидовствующими» развернулась уже без их участия. Сектанты повели очередную подспудную атаку, и именно под флагом нестяжательства. Подталкивали Ивана Васильевича конфисковать церковные земли. Провокация была задумана хитро. Великий князь поссорится с церковью, разгорятся конфликты со священниками, монастырями. А еретики выступят опорой Ивана III, восстановят влияние. К тому же «жидовствующие» были связаны с высокопоставленными аристократами, которые рассчитывали хорошо погреть руки на конфискациях.

Но митрополит Симон, новгородский архиепископ Геннадий, преподобный Иосиф Волоцкий продолжали раскапывать темные дела сектантов. Да и в семье Ивана Васильевича положение переменилось. Василия он освободил, приблизил к себе, пожаловал ему титул государя. Сын и Софья стали деятельными союзниками борцов с ересью. Состоялось несколько церковных соборов, осудивших «жидовствующих». В 1502 г. Елену Волошанку и княжича Дмитрия взяли под стражу. Их было запрещено именовать великокняжескими титулами и даже, как еретиков, поминать в храмах. Враги пытались наносить ответные удары. Государыня Софья Фоминична умерла, отравленная мышьяком.

Преподобный Иосиф Волоцкий доказывал, что ересь – смертельная зараза. Если не уничтожать разносчиков, она будет охватывать здоровых людей, губить души. А покаяние от «жидовствующих» принимать нельзя, их мораль допускала и поощряла ложь. Но среди советников Ивана III у сектантов оставались свои люди. Удерживали его от крайних мер. Казнить сектантов он не решался. Лишь в 1504 г., когда он тяжело заболел, св. Иосиф и его сторонники доказали государю – ересь надо выкорчевать с корнем. Руководителей секты приговорили к смерти. В Москве сожгли главу Посольского приказа дьяка Волка Курицына, Дмитрия Коноплева и духовника Елены Волошанки Ивана Максимова. Еще нескольких еретиков казнили в Новгороде. Остальных осужденных разослали по тюрьмам и монастырям. Тогда же, в январе 1505 г. умерла в темнице Елена Волошанка. Может быть, заключение и переживания подорвали ее здоровье, но не исключено, что ее умертвили тайно. Ее сына Дмитрия содержали со всеми возможными удобствами. В заключении он имел большой штат прислуги, мог распоряжаться собственными владениями. Но на свободу его не выпустили, он преставился в 1509 г.

И вот тут стоит вернуться к конфликту нестяжателей и иосифлян. Факты красноречиво показывают, что истинная картина оказалась сильно искаженной. Во-первых, св. Иосиф Волоцкий никогда не выступал за обогащение монастырей – но земельные владения помогали монахам вести просветительскую работу, лечить больных, помогать бедным и сиротам, кормить голодающих во время неурожая (что и делал св. Иосиф). Во-вторых, преподобный Нил Сорский действительно основал в Вологодской земле обитель, где монахи жили своим трудом, в скитах. Но против церковной собственности он никогда не выступал! И не отрицал возможность спасаться в богатых монастырях.

И тем более св. Нил не был адвокатом еретиков. Когда открылась ересь, и новгородский архиепископ Геннадий воззвал к авторитетным церковным деятелям о поддержке, среди них был Нил Сорский. Он участвовал в расследовании и проклял ересь. А со св. Иосифом Волоц-

ким он никогда не ссорился и не сталкивался! В настоящее время доказано, что преподобный Иосиф в своем главном трактате против «жидовствующих», «Просветителе» («Сказании о новоявившейся ереси»), использовал работы св. Нила. Но и Нил Сорский, в свою очередь, очень уважал его, держал в обители многие его труды, а «Просветитель» ценил настолько высоко, что собственноручно переписал половину книги.

Ожесточенные атаки на иосифлян повел вовсе не он, а Вассиан Косой, о котором мы уже упоминали. Его отец, Иван Патрикеев, был уже в преклонных летах и нервной встряски не перенес, вскоре после пострижения умер. А Василий отделался довольно легко. Превратившись в Вассиана, он неплохо устроился в большом и богатом Кирилло-Белозерском монастыре. В Москве у него остались высокопоставленные родственники, друзья. Да и секта «жидовствующих» не была уничтожена, она лишь затаилась. Покровители поддерживали Вассиана, подсказывали выигрышные ходы.

Из монастыря он ушел в скит недалеко от Ниловой обители, однако совсем ненадолго. В 1508 г. св. Нил Сорский преставился, и сразу же после этого, в 1509 г., Вассиан перебрался в Москву, в «элитный» Симонов монастырь. Причем начал представлять себя «преемником» преподобного, опираться на его имя! А покровители не сидели сложа руки. Протолкнули столь мудрого и праведного «старца» ко двору. Он сумел завоевать доверие Василия III, стал одним из ближайших советников. И первое, что он сделал, – вызвал охлаждение государя к врагу «жидовствующих», св. Иосифу Волоцкому. Доказал, что казнить еретиков нельзя, и их преследования свернулись. Впрочем, основные работы против иосифлян он написал позже, когда преподобный Иосиф умер и не мог уже ответить. Вот тут Косой не стеснялся, по своему разумению «цитировал» и «учителя», св. Нила Сорского, и св. Иосифа. Изображал, будто Волоцкий игумен одновременно нападал на св. Нила и на самого Вассиана, чего никогда не было и быть не могло!

Теперь учителя сектантов маскировались под обликом «заволжских старцев», и Косой формировал вокруг них церковную оппозицию. Он был прекрасным публицистом, пороки и недостатки отдельных священников и монахов распространял на всю церковь, критиковал государственные порядки, выдвигал идеи радикальных реформ. Опять напирал на необходимости конфисковать церковную собственность. Правда, на это Василий III все-таки не пошел. Но многие предложения Вассиана принимал.

А кроме церковной, в нашей стране имела мощная светская оппозиция. Василий II Темный, Иван III и Василий III объединяли Россию, ваяли ее из россыпи удельных княжеств. Для этого держали курс на самодержавие, укрепление центральной власти. Подавляли феодальную анархию, в свое время погубившую Киевскую и Владимирскую Русь. Подтягивали дисциплину среди князей и бояр, государственная служба устанавливалась для них священным долгом. Хотя западный мир жил совершенно иначе, там аристократы кичились «свободами». Тянулись к роскоши, разгулу, наслаждениям – ведь царила эпоха Возрождения. Особенно широко расплескались подобные «свободы» по соседству, в Литве и Польше. Там магнаты диктовали свою волю монархам, бесконтрольно хозяйничали в стране.

Для русской знати это становилось ох каким соблазном! У великого князя было четверо братьев: Юрий Дмитровский, Симеон Калужский, Дмитрий Угличский, Андрей Старицкий. А верхушку бояр составляли Шуйские, Курбские, Кубенские, Ростовские, Микулинские, Воротыньские и др. Не столь давно их предки тоже были самостоятельными князьями. Были и знатные перебежчики из Литвы. Князя Бельского Иван III женил на своей племяннице, Мстиславского на внучатой племяннице. Такие особы считали свое положение не намного ниже государева. Раздражались, что им приказывают, как слугам. Вели себя заносчиво. Конечно же, хотелось жить, как в Литве. Но для этого требовалось эмигрировать. Или переменить власть на родине.

А время были неспокойное. Римский папа-извращенец Александр VI Борджиа развернул очередное наступление на православие. В Литве был поставлен митрополитом смоленский епископ Иосиф Болгаринovich, принявший унию. Он разъезжал по стране с католическим епископом, толпой бернардинских монахов и отрядом солдат. Отбирали у православных храмы, смещали священников, заменяя униатами. Нагрянув в город или село, заставляли людей перекрещиваться в католицизм. У тех, кто противился, отнимали детей, женщин и перекрещивали насильно. Папа бурно приветствовал подобные действия. Издал особую буллу, поздравлял литовцев: «Еретики наконец озаряются истинным светом».

Папа помог полякам и литовцам заключить союз с Ливонским орденом, подтолкнул к войне против Руси. Однако результат оказался плачевным. Неприятелей вдребезги разгромили в битве при Ведроши, отобрали приграничные области. Литовский король Александр был женат на дочери Ивана III Елене – он упросил жену стать посредницей, взмолился о мире.

Впрочем, неудача не образумила врагов. Когда преставился Иван III, паны снова осмелели. Принялись требовать, чтобы русские возвратили все завоевания, предъявили претензии даже на Псков и Новгород – поскольку новгородцы в свое время признали себя королевскими подданными. А в 1506 г. скончался король, которого жена хоть как-то удерживала от неосмотрительных шагов. Паны и католическая верхушка передали корону брату Александра Сигизмунду, и литовские отряды ринулись на Русь.

Ход войны определялся не только боями, но и изменами. На сторону Москвы перешел могущественный князь Михаил Глинский с родственниками – он был любимцем короля Александра, но при дворе Сигизмунда его обидели, оттерли от ключевых постов и пожалований. А на службе Василия III состояли Константин Острожский и Евстафий Дашкович. Острожский, талантливый полководец, был взят в плен в прошлой войне, но под поручительство митрополита принес присягу великому князю. Литовский воевода Дашкович переехал в Россию добровольно. Во время войны оба перебежали обратно. Сигизмунд их принял с распростертыми объятиями, дал Острожскому Киев, Дашковичу Канев и Черкассы. В результате Глинский пытался взбунтовать Украину, но Острожский и Дашкович удержали ее в повиновении. Обещали казакам милости короля, настраивали против русских.

Тем не менее литовцам доставалось очень крепко. Московские полки разоряли их землю, доходили до Минска и Вильно. В 1508 г. Сигизмунд опять обратился к вдовствующей королеве Елене, просил стать посредницей. Она не отказалась, написала брату Василию III. Вроде бы заключили мир. Но недруги нашей страны рассуждали по-своему: к войне просто плохо подготовились. В Риме папа сменился, на престол взошел Лев X из банкирского семейства Медичи. Однако политическая линия Ватикана осталась прежней – сломить Москву, оплот православия.

Папа деятельно взялся помогать полякам и литовцам. Подключились германский император Максимилиан, король Чехии и Венгрии Людовик – племянник польского короля. Удалось заключить союз с крымским ханом Мехмет-Гиреем. Велись и поиски изменников среди русской знати. В 1510 г. Сигизмунд сумел связаться с братом Василия III Симеоном Калужским. Этот удельный князь вполне «созрел». Принялся жаловаться королю на «засилье» государя. Дескать, ущемляет его права. Готовился с группой бояр перебежать в Литву, но заговор раскрыли. Василий III намеревался посадить Симеона в тюрьму, но остальные братья дружно выступили с ходатайством, подключили митрополита, и изменник был прощен.

В 1512 г. враги нашей страны сочли, что теперь-то они собрали достаточно сил. Королеву Елену, помогшую заключить мир, подвергли демонстративному поруганию. Ее начали оскорблять, унижать, воеводы Радзивилл и Остиков схватили ее прямо в церкви во время обедни и заключили под арест, отобрав ее казну и лишив всех слуг. Она сумела переслать

письмо брату в Москву, сообщила, как с ней обошлись, но письмо стало последним. В январе 1513 г. Елена скоропостижно умерла. Литовцы писали, что «от горести». Но все русские источники единодушно утверждают – ее отравили. Кто? Очевидно, те круги, которые желали спровоцировать войну.

На западных границах снова запылали сражения. Русские полки взяли Смоленск и еще ряд городов. Правда, литовцы под командованием Острожского одержали большую победу под Оршей, но вернуть Смоленск не смогли и, в свою очередь, были разгромлены возле Опочки. Вмешались татары, их конница накатывалась на русские окраины. Мехмет-Гирей нагло провозгласил, что Крым унаследовал власть Золотой Орды, поэтому хан вправе распоряжаться русскими землями. От Василия III он потребовал платить дань и уступить Сигизмунду Смоленск, Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль. В набеги вовлекли и Казанское ханство. И опять посыпались измены...

Михаил Глинский, в прошлой войне перешедший на сторону Москвы, оказался очень ненадежным подданным. О себе он был чрезвычайно высокого мнения и раскатал губы, что в награду за все заслуги Василий III должен отдать ему Смоленщину. Государь с такими претензиями не согласился, и Глинский оскорбился. Снесся с противником, заключили договор – Сигизмунд перечислил, какие города отдаст ему за предательство. Ну а в качестве «задатка» Глинский переслал важные сведения о русской армии. Именно они помогли Острожскому разбить государев корпус под Оршей. Но уехать к литовцам изменник не успел, задержали. Суд приговорил его к смерти, и спасло его лишь пожелание переменить веру. Он родился православным, потом перекинулся в католицизм, теперь просил вернуться в лоно православной церкви. Василий III заменил казнь пожизненным заключением и отдал осужденного под опеку митрополита.

В 1517 г. крамола обнаружилась в совершенно неожиданном месте. Рязань давно уже числилась в «подручниках» Москвы, ее обороняли московские войска. Княгиня Аграфена, правившая от лица малолетнего сына Ивана, во всем подчинялась государю. Но то ли внешние враги, то ли боярская оппозиция пристроили к Ивану соответствующих советников. Они настраивали князя сбросить зависимость. Повзрослев, он вздумал играть в самостоятельность. Начал сноситься с Литвой, а с крымским Мехмет-Гиреем заключил союз, посватал его дочку. Тут уж переполюшилось московское правительство. Еще не хватало, чтобы на Руси началась междоусобица и развалилась вся система обороны на юге, открыв татарам дороги в глубь страны! Конечно, государь этого не допустил. Вызвал Ивана к себе и взял под стражу. Но у него имелись сообщники и в Москве. Помогли сбежать в Литву. Тогда Василий III забрал Рязань под собственное управление.

Папа Лев X не скрывал, чью сторону он держит. По поводу победы литовцев под Оршей устроил пышные торжества и иллюминацию в Риме. Но войска Василия III, невзирая ни на что, били неприятелей. Литва и Польша выдыхались, их казна опустела. Папа и император Максимилиан предпринимали экстренные усилия, чтобы поддержать Сигизмунда. Для этого ему сосватали дочку герцога миланского Иоанна Галеаццо Сфорца. Он был могущественным кондотьером (прозвище Сфорца означает «сила»), поставлял всей Европе полки наемников. И он был сказочно богат, невеста принесла Сигизмунду крупное приданое, позволившее продолжить войну.

Но по отношению к русским Лев X и Максимилиан выступили вдруг миротворцами. Направили в Москву своих дипломатов, предложили посредничество. Послы императора Герберштейн, да Колло и де Конти доказывали пользу «благоразумной умеренности» и убеждали Василия III вернуть «хотя бы» Смоленск. А папа разъяснял, что с Литвой воевать вообще незачем. Когда Сигизмунд умрет, великий князь может выставить свою кандидатуру на выборах короля, получит всю Литву вместе с Польшей. За победу Василия Ивановича на выборах Лев X ручался, заверял, что сам посодействует. Для этого требовалась лишь

одна «мелочь» – соединить русскую церковь с католической. Ну а сейчас надо помириться с Литвой, вместе с ней повернуть оружие на турок. Папа выражал готовность признать права Василия III на Константинополь, обещал короновать его «христианским императором».

В Москве такое «миротворчество» отвергли. Папе разъяснили, что в вопросах веры в его услугах не нуждаются. Что ж, Лев X будто совсем не обиделся! Как ни в чем не бывало он прислал в Россию генуэзца капитана Паоло. Ему поручалось разведать пути в Индию через Волгу и Каспийское море. А русских просили посодействовать. Посланец объяснял великому князю, как будет выгодно русским, если итальянцы проложат себе дороги на Восток через нашу страну. Василий III был иного мнения и не позволил капитану вести разведку. Паоло уехал ни с чем, но вскоре вернулся – в качестве посла уже от другого папы, Климента VII. Кстати, он происходил из той же банкирской семьи Медичи. А Василия III пробовал соблазнить теми же перспективами, что его предшественник. Соединение церквей и война с турками – за это папа обещал королевскую корону.

Естественно, государя такие перспективы не воодушевили. Но в Рим с ответным визитом он отправил своего дипломата Герасимова. Папа чрезвычайно обрадовался. Правда, в грамоте Василия III оказались только вежливые реверансы, однако в Ватикане сочли, что самое главное посол должен передать тайно, на словах. А Герасимов, как нарочно, заболел. При папском дворе переполошились, очень переживали, как бы не помер. Но когда посол выздоровел, были весьма разочарованы. Выяснилось, что на переговоры о государственных, а тем более церковных делах он не уполномочен. Католические сановники не верили, подъезжали так и эдак. Нет, Герасимов подтверждал, что его задачей было только передать письмо с теми самыми реверансами.

Литве все-таки пришлось признать поражение, заключить перемирие. Но когда пришел срок продлить его, в Москве собралась целая конференция «миротворцев»! От папы прикатил епископ Иоанн Франциск, от императора – граф Леонард Нурогальский, от эрцгерцога австрийского вторично пожаловал барон Герберштейн. Дружным хором они принялись нажимать на русских, требуя уступок. Чувствуя такую поддержку, литовские паны воодушевились. Заикнулись о претензиях на русские земли вплоть до Новгорода и Вязьмы. Да только и царские дипломаты нажиму не поддались. Удержали занятые города и земли.

Но оппозиция в нашей стране по-прежнему существовала. Кто-то постоянно распространял слухи, порочащие политику великого князя. Когда он начинал войну с Литвой, нашептывали, что он «нарочно ищет врагов». Когда решил проучить Казань – что он напрасно злит татар и добром это не кончится. Во время казанских войн пытались подогреть недовольство, играя на перебоях с волжской рыбой, обвиняя в возросших ценах на восточные товары. Правда, настроить народ против государя не удавалось, на Руси Василия III любили. Он даже обходился без личной охраны, считал это лишним.

Но изменники гнездились рядом с ним. Например, посол императора Герберштейн, дважды посетивший нашу страну, привел в своих записках описание Сибири, дорог в Персию и в Среднюю Азию. В ту эпоху сведения о географических открытиях в любом государстве считались важнейшей тайной и строго охранялись. Вспомним, что папскому посланцу Паоло запретили исследовать пути на Восток. Но Герберштейн назвал информатора, который выложил ему драгоценные сведения, – князь Симеон Курбский (знаменитому предателю он приходился двоюродным дедом). В свое время он входил в окружение Елены Волошанки, был близок к Вассиану Косому.

А Вассиан возле государя стал важным временщиком. И если он защищал сектантов от гонений и казней, то к борцам за чистоту веры относился совсем иначе. Священник Серапион из Заволжья раскрыл, что среди «заволжских старцев» процветает ересь. Но его доклад попал к Вассиану. Отреагировал он жестоко, «старец Васьян попа просил на пытку». При истязаниях ему сломали руку, и он умер в мучениях. Впоследствии ересь обнаружил архи-

епископ Ростовский. Его нельзя было уничтожить, как безвестного Серапиона. Но Косой добился от Василия III грамоты о неподсудности «заволжских старцев» архиепископу. А у митрополита Даниила постепенно копились материалы, уличавшие в ереси самого Вассиана. Но «старец» набрал такую силу, что даже для предстоятеля Русской церкви оказался не по зубам. Он сам вел подкопы под митрополию, сеял у государя недоверие к ней.

Между тем измены продолжались и в мирное время. В 1523 г. был арестован северский князь Василий Шемякин, уличенный в тайной связи и переписке с Литвой. Перебежать к Сигизмунду готовился князь Мстиславский – тоже очутился в тюрьме. Еще один заговор организовали Шуйские и Иван Воротынский. Они планировали то же самое – перекинуться под крыло польско-литовского короля. Но их замысел раскрыли, и они удрали в Дмитров, в удел государева брата Юрия. Василий III добился их выдачи. Шуйских посадил, Воротынского после временной опалы помиловал. Но брат Юрий остался вроде бы ни при чем. Его вообще не наказывали. Хотя заговорщики, конечно же, не случайно искали укрытия у него.

К этому времени двое из братьев Василия III, Симеон и Дмитрий, ушли в мир иной. Но Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий сохраняли особый статус: значительную удельную самостоятельность, собственные дворы, войска. Как ближайшим родственникам государя им прощалось то, что не прощалось другим. Но они оставались вечно недовольными, что отстранены от верховной власти, от московской казны, от главных источников доходов. Именно к ним всегда тянулась оппозиция, и надежды на Юрия с Андреем имели под собой вполне реальную почву.

Василий III был двадцать лет женат на Соломонии Сабуровой, но не имел детей. Конечно, обидно. Но для государства, казалось бы, это не сулило каких-то бедствий. В Европе да и на Руси такое случалось, бездетным властителям наследовали братья. Однако у Василия III имелись некие серьезнейшие основания не доверять Юрию и Андрею. И не только у Василия! Митрополит Даниил, значительная часть духовенства и бояр тоже полагали, что передавать власть братьям нельзя. Причина могла быть только одна – их связи с оппозицией. Серьезные опасения, что переменится политический курс страны, будут подорваны позиции церкви. Вокруг митрополита сплотилась мощная партия, предложившая великому князю пойти на чрезвычайные меры, только бы продлить его род, – развестись с супругой.

Что ж, по нормам XVI в. шаг был и впрямь чрезвычайным. Развод допускался лишь в случае, если жена или муж уйдет в монастырь. Мало того, при пострижении одного из супругов второй, как правило, тоже принимал постриг. Но митрополит заранее освободил Василия Ивановича от такой обязанности. И все это предпринималось ради попытки зачать наследника. Только попытки! Ведь никто не знал, по чьей вине брак бесплоден, никто не гарантировал, родится сын или дочь. Но опасения относительно Дмитрия и Андрея были настолько весомыми, что святитель Даниил, иерархи церкви и бояре выступили за столь рискованное решение.

Но выступили и противники, взявшиеся доказывать недопустимость развода. Главным из них оказался Симеон Курбский. Тот самый, который выложил государственные тайны иноземцам. Братья Василия III благоразумно остались в стороне от обсуждений этой темы, но Курбский был с ними очень дружен. Однако и «старец» Вассиан Косой оказался вдруг принципиальным противником развода. Горячо агитировал, страшил последствиями греха. Причем мы располагаем убедительным доказательством, что оппозиция поддерживала связи с западными державами. Ведь примерно в это же время, в 1525–1526 гг., Москву посетили папские и императорские «миротворцы». Герберштейн, о котором мы уже упоминали, описал историю с разводом в самых черных тонах. Рассказал, будто митрополит постригал Соломонию насильно, она вырывалась, топтала ногами рясу и сдалась лишь после того, как дворецкий Иван Шигона ударил ее плетью. Передавал и слух, будто в монастыре обнаружи-

лась беременность Соломонии. Она, к раскаянию мужа, родила сына Георгия, но никому его не показывала. Предрекала, что он явится «в мужестве и славе» и станет мстителем за нее...

Отметим, что Герберштейн – очень сомнительный источник. Его дипломатическая миссия дважды провалилась, и в своих записках, изданных на Западе, он густо полил Россию грязью. При этом не особо заботился о правдоподобию, абы помрачнее и померзее. Даже такой враг нашей страны, как иезуит Поссевино, указывал, что Герберштейн много наврал. А его рассказ о разводе содержит ряд нестыковок. Если государь стремился к рождению наследника, мог ли он гневить Бога откровенным беззаконием? Грубая сила, чтобы заставить Соломонию, вовсе не требовалась. Ведь ее обрабатывали митрополит, другие священники, разъясняли со своей точки зрения долг по отношению к государству и церкви. А уж легенда о том, будто монахиня родила и никому не показывала ребенка, абсолютно не соответствует реалиям русских монастырей. Как и где она смогла бы растить младенца? В келье? Кстати, Соломония, в монашестве София, впоследствии прославилась как настоящая подвижница, причислена к лику святых.

Но обратим внимание, от кого мог Герберштейн услышать сплетни о насилии над Соломонией, о ее мнимой беременности. Ясное дело, не в ходе переговоров. Он с кем-то встречался тайно. Скорее всего, это был тот же Симеон Курбский или кто-то из его товарищей. Оставалось собрать вместе всех, кто был заинтересован в пресечении государева рода. Боярская оппозиция, еретики, внешние враги России и православия. Силы разные, а цели получились общие. Между прочим, упоминание о «тайном» сыне Соломонии, который явится «в мужестве и славе», может свидетельствовать, что уже в те времена носилась идея использовать самозванца, хотя еще не была реализована.

Борьба развернулась не шуточная. Оппозиция распускала слухи, привлекала сторонников правдами и неправдами. Вассиан Патрикеев втянул в эти игры преподобного Максима Грека. Ученый афонский монах, получивший образование в Париже и Флоренции, был приглашен в Москву для разбора греческих книг, собранных великими князьями. Работая с несколькими русскими богословами, Максим перевел ряд книг, выправлял старые переводы, сам писал духовные труды. Но простодушного и неискушенного в московских делах Грека вовлекли в политику. Он искренне, по-православному, считал, что разводиться нельзя, а его мнение использовали для агитации. Под прикрытием преподобного Максима стал собираться кружок заговорщиков. Его просили ходатайствовать за опальных, осужденных, и он по своей доброте соглашался.

Но из-за этого на него самого пало подозрение, что он сообщник крамольников. Его арестовали, а он, по той же простоте, откровенно рассказал, какие разговоры велись вокруг него. Оскорбление монарха во всех средневековых странах считалось тягчайшим преступлением и строго каралось. Так было и на Руси. За хулу на великого князя дьяка Федора Жареного били кнутом и отрезали язык. А боярин Берсень-Беклемишев выступал организатором кружка, искал и вовлекал единомышленников – ему отрубили голову. Максима Грека отправили в монастырское заточение.

Вассиану Косому на этот раз удалось выкрутиться, но государь отверг его поучения относительно брака. Все русские источники (в отличие от Герберштейна) сообщают нам, что Соломония сама, добровольно попросилась уйти в монастырь (или уговорили). А для поисков невесты использовали византийскую методику, общегосударственные смотрины. Все знатные семьи должны были представить своих дочерей подходящего возраста и здоровья. Их оценивали, отсеивали в нескольких турах. Из нескольких оставшихся делал выбор великий князь. Те, кто не удостоился столь исключительной чести, тоже не оставались внакладе, государь выступал их сватом и выдавал замуж за придворных.

Но выбор Василия III многих удивил. Он пал на Елену Васильевну Глинскую. Глава этого рода, Михаил Глинский, сидел в тюрьме. Его брат Василий, отец невесты, в измене

не участвовал и опале не подвергался. Однако он ничем себя не проявил и уже умер. Елена росла сиротой, и брак с ней никаких политических выгод не сулил. Летописи называют единственную причину, по которой государь обратил на нее внимание: «лепоты ради ея лица и благообразия». Елена была редкой красавицей. Пятидесятилетний Василий III по-простому, по-человечески влюбился.

На свадьбе гуляла вся Москва, радуясь за своего государя. Любя юную жену, Василий Иванович и сам «молодился», даже обрил бороду (что не приветствовалось церковными правилами). Однако с зачатием ребенка целых три года ничего не получалось. Видимо, возраст мужа все-таки сказывался, его с бородой не снимешь. Супруги совершали паломничества по святым местам, молились о наследнике в Переславле, Ростове, Ярославле, Вологде, на Белом озере. И снова оппозиция оживилась! Внедрялись слухи, что брак обречен на бездетность – из-за развода. Распространялись и грязные сплетни, силящиеся опорочить Елену.

В 1529 г. молитвы супругов были услышаны. Они зачали ребенка, и юродивый Домитиан предсказал Елене, что она родит «Тита широкого ума» – будущего Ивана Грозного. Но клеветники не унимались. Доказывали, что брак недействителен, Елена не иначе как колдует, да и от кого ребенок? Но великий князь жену в обиду не дал. Наоборот, круто осерчал, устроил интриганам настоящий разгром. В тюрьмы и ссылки попали князя Курбский, Щенятев, Горбатый-Суздальский, Плещеев, Ляцкий, боярин Морозов, дворецкий Шигона.

В ходе этих разборок закатилась и звезда Вассиана Косого. Государь наконец-то удалил его от себя. А митрополит Даниил давно собирал доказательства, что «старец» является тайным еретиком. До сих пор призвать его к ответу не получалось. Однако сейчас материалам дали ход. Косой предстал перед судом. Широкой огласке дело не предавали, как-никак, а Вассиан 20 лет был приближенным великого князя. Жизнь ему сохранили. Но место заключения определили в Иосифо-Волоколамском монастыре. Там братия хорошо помнила его нападки на св. Иосифа, на их обитель, так что поблажки исключались. В темнице он и умер.

Узел второй

Убийство Елены Глинской

Молодая супруга Василия III Елена Глинская родила ему двоих сыновей, Ивана и глухонемого Юрия. Но их семейное счастье продолжалось всего семь лет. Осенью 1533 г. государь поехал в Волоколамск на охоту, и у него вдруг обнаружился нарыв на бедре. При лечении в рану занесли заразу, началось воспаление. Василию становилось все хуже, и, наконец, он понял, что ему не выкарабкаться. Он был сильным и мужественным человеком, стойко переносил страдания. Но душа его была совсем не спокойна. Он подозревал, что в его собственном окружении затаились враги. Только и ждут подходящего момента нанести удар, перехватить власть. Сломать курс на созидание великой державы. Или даже пожертвовать верой...

В Волоколамске с Василием III находились младший брат Андрей Старицкий, князья Бельский, Шуйский, Кубенский, но государь скрывал от них свое состояние! В глубокой тайне отправил гонцов в Москву – привезти завещания своего отца и деда. Об этом знали лишь ближайший доверенный государя, Шигона. Дядя его жены Михаил Глинский долгое время провел в тюрьме за измену. После свадьбы Василий III освободил его, но важных постов не давал. Однако сейчас вызвал к себе. Рассчитывал, что родственник супруги не предаст, станет для нее надежной опорой. Гонцам запрещалось разглашать, что случилось и зачем они посланы. Но кто-то экстренно подсуетился известить другого брата великого князя, Юрия Дмитровского. Он примчался в Волоколамск, но Василий не желал, чтобы он находился рядом. Заверил его, что выздоравливает, и отослал обратно. Хотя он был уже обречен и знал это.

Кое-как больного доставили в Москву. Сразу же, едва государя принесли в его покои, он созвал у постели митрополита Даниила, бояр и продиктовал завещание. Назначал наследником сына Ивана, до 15-летнего возраста оставлял его на попечении матери и опекунского совета. Нет, не спокоен был Василий Иванович. Еще в 1531 г. он взял с братьев клятву быть верными не только себе, но и княжичу Ивану. Теперь заставил их повторить присягу. При этом заклинал Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, что надеется на их честь и совесть, убеждал исполнять крестное целование. То есть не был уверен, что исполнят. Племянников Бельских и прочих бояр тоже убеждал «блюсти крепко» сына и державу. Особо обращался к Глинскому, говорил, что тот должен за ребенка и Елену «пролить всю кровь свою и дать тело свое на раздробление».

3 декабря, чувствуя скорый конец, великий князь опять собрал бояр, четыре часа говорил с ними о предстоящем правлении. Когда обсудили все дела, позвал сына и жену. Елену привели под руки. Она билась в истерике, а Василий нашел силы успокаивать ее, уверял, что чувствует себя лучше. Но мамке Ивана, Аграфене Челядниной, великий князь приказал «ни пяди не отходить» от ребенка. Он боялся за наследника... Елена хотела остаться с мужем до конца, но он понимал, насколько это будет тяжело, жалел ее и приказал уйти. Еще раньше государь принял решение перед кончиной постричься в монахи, и сейчас для этого пришла пора. Он ненадолго забылся, а когда проснулся, стал рассказывать, что ему явилась св. великомученица Екатерина. Принесли ее икону, Святые Дары, чтобы причастить государя.

Но Василий III еще не успел уйти из жизни, когда его опасения начали сбываться. С ним уже перестали считаться! Он просил пострижения, а группа бояр во главе с Андреем Старицким воспротивилась, старалась не допустить этого. Хотя, казалось бы, какая им была разница, умрет Василий мирянином или монахом? Государь отходил, над ним читали канон на исход души, он шептал молитвы немеющими губами, целовал простыню, ожидая обряда.

А рядом с ним разыгрывалась безобразная сцена. Бояре орали, спорили, не обращая внимания на умирающего. Старицкий и Воронцов вырывали у митрополита монашескую ризу, и Даниил усмирил их только угрозой проклятия: «Не благословляю вас ни в сей век, ни в будущий!..»

Великий князь Василий, ставший при пострижении иноком Варлаамом, ушел в мир иной. Но и митрополит отнюдь не был спокоен за судьбы государства. Он вывел в «переднюю горницу» братьев государя и снова, уже в третий раз привел их к присяге верно служить Ивану Васильевичу и его матери, не изменять ни словом, ни делом и «не искать великого княжения». Аналогичную клятву митрополит взял с бояр и дьяков и лишь потом пошел к Елене сообщить о смерти мужа... В регентский совет при ребенке-государе по воле Василия III вошли Андрей Старицкий, боярин Захарьин-Юрьев, князя Михаил Глинский, Василий Васильевич и Иван Васильевич Шуйские, Михаил Воронцов, воевода Тучков.

Вероятно, отец хотел объединить вокруг наследника представителей разных боярских группировок. Но этого не получилось. А всего через месяц после похорон Василия III обнаружился первый заговор. Организовал его Юрий Дмитровский. Покойный государь отнюдь не случайно не доверял ему, не случайно не включил в регентский совет. Хотя Юрий был старше Андрея Старицкого. Но если исчезнет малолетний Иван, именно он становился наследником. В московском доме Юрия стали собираться его бояре, дьяк Тишков. Говорилось, что присяга дана под давлением, что наследник и регенты должны были дать Юрию взаимную присягу о соблюдении его прав. А раз не дали, то клятва недействительна. Прикнул участник прошлых заговоров Андрей Михайлович Шуйский.

Но когда пытались вовлечь князя Горбатого-Суздальского, он доложил в Боярскую думу и Елене. В начале 1534 г. Юрия Дмитровского, Андрея Шуйского и их соучастников бросили в тюрьму. Отметим, что Андрей Старицкий ничуть не протестовал против заточения брата. Признал меры вполне оправданными. Впрочем, теперь на роль ближайшего кандидата на престол выдвигался он сам! Но он вознамерился еще и пожить. Обратился к государю и Елене, требуя владения брата для себя. Нет, правительница опасалась усиливать потенциального противника. В компенсацию вместо городов и земель выделила золота, драгоценностей и прочих дорогих вещей из наследства мужа. Однако Андрей не удовлетворился, обиделся. Уехал в свою Старицу и принялся распространять обвинения в адрес Елены...

А ее положение было шатким. На Руси женщины управляли государством всего несколько раз – св. равноапостольная Ольга, Софья Витовтовна – мать Василия Темного. Поначалу бояре не видели в Елене полноправную властительницу. Но она стала ею. Умело лавировала между регентским советом и Боярской думой, играла на их противоречиях. Проявила и сильную волю, настаивая на собственных решениях. Ну а главной опорой великой княгини стал не дядя Михаил Глинский (которого она в своей жизни почти не знала). Ею стал Иван Федорович Телепнев-Овчина-Оболенский. Блестящий полководец, любимец военных, получивший за свои заслуги высший придворный чин конюшего.

Молва утверждала, что он стал фаворитом Елены. Что ж, государыне было лишь 27 лет. А Телепнев на войне всегда командовал передовыми частями, первым атаковал и неизменно одерживал победы. Это был лихой рубака, которому хотелось самому вести воинов в сечу, нестись в бешеные атаки, крушить неприятеля. В такого и впрямь можно было влюбиться. А сойтись Елене и Телепневу, судя по всему, помогла Аграфена Челяднина, мамка государя – она была сестрой Ивана Федоровича. Впрочем, рассматривая эти события, надо учитывать особенности русской морали в XVI в. Категорически осуждалась супружеская неверность, добрачные связи. Но на вдовьи романы смотрели куда более снисходительно. Это было грехом, влекло церковное покаяние, но не очень строгое. Ни митрополит, ни авторитетные цер-

ковные деятели той эпохи не считали нужным обличать Елену. Для государства ее любовь оказалась полезной. А если и не безгрешной, так кто из нас без греха?

Зато о «преступной связи» принялись трубить за рубежом. Хотя со стороны иностранцев это выглядело просто нелепо. В эпоху Возрождения по Европе гулял вообще необузданный и неприкрытый разврат. Это считалось нормальным» и для аристократии, и даже для католического духовенства. Знатные дамы и проститутки отличались только ценой. А положение королевских фавориток и фаворитов выглядело вполне официальным, котировалось выше королев. Но уж русскую властительницу постарались опозорить покруче. Да и в нашей стране боярская оппозиция получила отличный повод для сплетен.

Надо отдать должное – Елена стала мудрой и талантливой государыней. Она затеяла такое великое дело, как расширение Москвы. В дополнение к Кремлю, возводился второй обвод укреплений, Китай-город. При Глинской разрабатывались и внедрялись некоторые новые законы. Был организован централизованный выкуп пленных из татарской неволи. Но мирные дела и замыслы быстро скомкались. Со смертью Василия III опять зашевелились враги. На троне оказались ребенок и женщина, как тут не воспользоваться? В 1534 г. польско-литовский король Сигизмунд выставил претензии возратить земли, отобранные у него в прошлых войнах. С ним заключил союз крымский Сахиб-Гирей, требовал огромную дань. Оба собирали армии.

Московское правительство тоже начало выдвигать полки на южные и западные границы. Но вскоре выяснилось – у неприятелей были и тайные союзники, внутри России. Заговор составили воевода Большого полка Иван Бельский и Иван Воротынский, т. е. главнокомандующий и его помощник. Участвовали сыновья Воротынского Михаил, Владимир и Александр. Вторую рать, против татар, формировали в Серпухове младший брат Ивана Бельского – Семен и окольный Иван Ляцкий. Они тоже присоединились к крамольникам. Замыслили при наступлении противника открыть фронт и перекинуться на сторону Сигизмунда.

Но злоумышленников вовремя разоблачили, Ивана Бельского и Воротынских арестовали. Семен Бельский с Ляцким сумели ускользнуть, удрали в Литву. Правда, их не подержали даже приближенные. Слуги и воины из их свиты, когда их привели на чужую территорию, взбунтовались. Заявили, что не хотят служить предателям. Ограбили своих начальников и ушли на родину. Но Сигизмунд чествовал беглецов как дорогих гостей, пожаловал богатые поместья. Они заверяли короля, что оборона России слаба, большинство знати и народа недовольны правлением Елены. Неприятель без объявления войны вторгся на нескольких направлениях. Пожгли предместья Смоленска, Стародуба, Чернигова, взяли Радогощ.

А в России после раскрытия заговора шли перестановки военачальников, время было потеряно, помощи приграничным городам оказать не успели. Государевы рати выступили лишь поздней осенью 1534 г. Фаворит Елены Иван Телепнев, конечно же, мог получить самый высокий пост. Но он уступил главное командование Михаилу Горбатову. Взял, по своему обыкновению, передовой полк. Лихо ринулись в глубь неприятельских земель. В осады городов не вязывались, разоряли экономическую базу врага и сеяли панику. Прокапались по окрестностям Орши, Борисова, Полоцка, Витебска, хозяйничали в 15 верстах от Вильно, вогнав в ужас короля и его двор. По весне с большими трофеями возвратились на свою территорию.

Но для противника этих ударов оказалось недостаточно. В 1535 г. они умело сманиврили. На Рязанщину напали крымские татары, отвлекли на себя основные силы русских. А Сигизмунд воспользовался. Его армии захватили Гомель, после жестокой осады и штурма овладели Стародубом – за стойкую оборону рассвирепевшие поляки и литовцы перерезали все население, 13 тысяч человек. В следующем году, кроме крымцев, на Россию обрушились

набеги казанского хана. Татары, ногайцы, башкиры, черемисы полезли разорять окрестности Нижнего Новгорода, Галича, Костромы, Муромы.

Но литовские рати, обложившие крепость Себеж, потерпели сокрушительный разгром. Их загнали на лед Себежского озера. Под тяжестью облаченных в доспехи тысяч людей, коней лед треснул. Наши воины рубили неприятелей, расстреливали из пушек и пищалей. Бегущие тонули. Сорокатысячная армия погибла почти полностью. А наша конница под командованием Телепнева опять прокатилась лихим рейдом до Любеча и Витебска. После таких поражений литовцы уже не могли вести полноценную войну. Сигизмунд запросил мира. Спешил воспользоваться моментом, пока Россия сражается с крымцами и казанцами, – выторговать условия получше. В результате заключили перемирие на тех рубежах, которые достигла каждая из сторон. При этом Сигизмунд постарался сохранить лицо перед сенатом и сеймом – козлами отпущения он сделал предателей, Семена Бельского и Ляцкого. Объявил, что Литву втянули в войну именно они. Спровоцировали своей ложью, будто Россия слаба.

Ляцкий, спасшийся от русской тюрьмы, угодил в литовскую. Но Бельский опять ухитрился сбежать, на этот раз в Турцию. Причем показал себя уже хроническим, «идейным» иудой. По материнской линии он приходился племянником последнему рязанскому князю. Теперь добился приема у султана Сулеймана Великолепного, сообщил, что является законным наследником Рязани и просил помощи забрать свое наследство. Жители Рязанщины, наверное, ни сном ни духом не подозревали, что у них появился такой князь. И тем более им в головы не могло прийти, что Бельский в обмен на помощь отдает их землю... в подданство турецкому султану!

А Сулейман был себе на уме. Воевать с Россией он не собирался. Но от столь жирного подарка не стал отказываться. Признал права Бельского, отправил его в Крым и отписал хану – если появится возможность посадить его на рязанский престол, пускай подсобят. В Москве об этом узнали, встревожились. Бельского пытались выманить. Послали ему грамоту, что по молодости лет его прощают, приглашают вернуться. Обратились и к сопернику крымского хана Ислам-Гирею. Этого разбойника интересовали только деньги, и ему предлагали солидную плату, если он выдаст или убьет Бельского. Но не удалось. Пока деньги и письма везли в Крым, там прикончили самого Ислам-Гирея.

Однако и в Москве предателей меньше не становилось. Сажали одних, убегали другие, но появлялись новые. В конце 1534 г. был заключен в тюрьму самый высокопоставленный член регентского совета Михаил Глинский. Официально его обвинили в том, что он намеревался «овладеть престолом». Хотя, что случилось на самом деле, нам остается лишь гадать. Возможно, он силился подмять племянницу и ее сына под свое исключительное влияние – а для этого требовалось устранить от нее Телепнева, оттереть думских бояр. Или опять посчитал, что его обошли. Намеревался, как и в прошлую войну, передаться к противнику. Хотя нельзя исключать и третий вариант, что Глинского просто оклеветали. Причем оклеветали враги Елены – устраняя деятеля, который в будущем мог стать препятствием для их планов. В пользу этой версии говорит свидетельство одной из летописей, что Глинский пострадал «по слову наносному от лихих людей».

Ну а дядя малолетнего государя, Андрей Старицкий, продолжал сидеть в своем удельном княжестве. По-прежнему накручивал себя обидами, поносил Елену. До поры до времени она терпела. Но Андрей вел себя все более вызывающе. Отказывался приезжать в столицу на заседания Боярской думы, хотя это являлось его прямой служебной обязанностью. Симулировал, объявив себя больным. В войне против Литвы он со своим удельным войском не участвовал. Это выглядело вообще многозначительно. Получалось, что с Сигизмундом враждуют Елена и ее сын, а Андрей сохраняет «нейтралитет». Правительница, конечно же, знала об истинных причинах такого поведения. Объявила, что хочет помочь болящему, и послала к нему придворного врача Феофила. Он нашел князя абсолютно здоровым.

Но Андрей продолжал уклоняться от службы, не без издевки отписывал Елене: «В болезни и тоске отбыл я ума и мысли... Неужели государь велит влачить меня отсюда на носилках?» В 1537 г. правительство решило нанести удар по Казани. Готовили большой поход. Старицкому тоже приказали выступить со своими воинами. Государыня уже позаботилась, чтобы при его дворе имелись «глаза и уши». Соглядатаи доносили, что вокруг Андрея кучкуются недовольные, он поддерживает какие-то отношения с Литвой. А княжеские дружины, хоть и не участвуют в войнах, вооружаются и к чему-то готовятся.

Сперва напросилась версия, что Андрей собирается бежать к Сигизмунду. К нему послали с увещеванием крутицкого епископа Досифея, а одного из старицких бояр, приехавших в Москву, задержали для допроса. Но замышлялся вовсе не побег. Замышлялся мятеж и переворот. Вот только подготовку Старицкий завершить не успел. Арест боярина спугнул его. Он понял, что над ним нависло разоблачение, и выступил раньше времени. Со всем двором, семьей и воинскими отрядами он двинулся из Старицы на запад. Строил планы «засесть Новгород», где у него имелись связи и сообщники. К боярам и дворянам разослал грамоты: «Князь великий мал, а держат государство бояре. И вам у кого служить? А яз вас рад жаловати».

Некоторые откликнулись – в том числе видные воеводы князя Пронский, Хованский, Палецкий, бояре Колычевы. Съезжались к нему. Но, собирая сторонников, он упустил время. Елена же действовала без промедления. Боярин Никита Хромой-Оболенский помчался в Новгород, опередив мятежников и взяв город под контроль. А Иван Телепнев с конной ратью бросился в погоню за Андреем. Изменник заметался. Узнал, что Новгород для него уже закрыт, и повернул к литовской границе. Телепнев настиг его у села Тюхоли, развернулся к бою. Андрей растерялся. Среди его сподвижников пошел разброд. Одни не хотели драться с соплеменниками. Другие размечтались возвести князя на престол, получить награды – но роль изгнанников совсем их не прельщала.

Старицкий понял, что его войско слишком ненадежное, и вступил в переговоры. Соглашался сдаться, если ему гарантируют неприкосновенность. Между прочим, гарантии он просил только для себя. Те, кого он соблазнил и повел за собой, Андрея не интересовали. Ну а Телепнев отнюдь не горел желанием проливать русскую кровь. Дал требуемую клятву. Мятежников привезли в Москву. Хотя в столице Елена выразила гнев фавориту. Объявила, что он превысил полномочия и не имел права давать гарантий без ведома великой княгини и государя.

Действительно ли Телепнев предлагал простить заговорщика? Или он вместе с Еленой преднамеренно разыграл этот сценарий? Скорее всего, получилась «импровизация». Ведь от западных границ воевода никак не мог быстро снестись с Москвой, согласовать решение. Однако в Средневековье не только на Руси, но и в Европе нередко практиковалось, что клятва обходилась по формальным признакам. А формальности были вполне соблюдены. Андрей желал клятвы – и получил ее. Телепнев ее не нарушил. Но он и впрямь не мог предрешать волю государыни, не связанной никакими обещаниями.

В итоге все сложилось оптимальным образом. Опасность ликвидировали, и русские воины остались целы. Так что и гнев государыни на Телепнева вряд ли был искренним и быстро прошел. А вооруженный мятеж был очень серьезным преступлением. К самым знатым изменникам Боярская дума и государыня все-таки подошли помягче. Старицкого заключили в темницу, его жена Ефросинья и сын Владимир были взяты под домашний арест. Князей Пронского, Хованского, Палецкого били кнутом на Красной площади. Бояр и других знатных сообщников отправили по тюрьмам и ссылкам. А в полной мере расплатиться пришлось их подручным. 30 «детей боярских» (мелких дворян) повесили в разных местах на дороге от Старицы до Новгорода.

Для государства этот мятеж нанес колоссальный ущерб. Готовившийся поход на Казань пришлось отменить. В результате казанский и крымский ханы успели договориться друг с другом, начали действовать сообща. А для Елены выступление Старицкого продемонстрировало ненадежность знати. Вместо того чтобы разгромить казанцев, государыне пришлось начать с ними переговоры о мире. Хотя бы на самых легких условиях, только бы получить временную передышку, укрепить состояние страны. Подрастал и сын Иван Васильевич. По обычаям, в семилетнем возрасте мамку Аграфену Челяднину должен был сменить «дядька»-воспитатель. Им стал Иван Федоров-Челяднин – родственник Аграфены, племянник ее покойного мужа.

Когда дело касалось интересов государства и сына, Елена не останавливалась и перед крутыми мерами. Однако встречающиеся у некоторых историков обвинения, будто она тайно убивала заключенных противников, являются голословной клеветой. Заговорщики Андрей Шуйский, Иван Бельский, Воротынские, Пронский, Хованский, Палецкий остались в тюрьме живыми и здоровыми. Юрий Дмитровский умер через три года после ареста, Михаил Глинский – через два. Если правительница хотела убить их, зачем было так долго ждать? Скорее, сказались естественные причины. Оба находились уже в возрасте, а средневековая темница была далеко не курортом. И только Андрей Старицкий скончался через шесть месяцев заключения. Может быть, сказался стресс. Но не исключено, что ему-то действительно «помогли» уйти из жизни. Было ли это сделано по приказу Елены или Телепнева? И было ли вообще? Нам остается лишь гадать. Но если так, то мятежника устранили исключительно вовремя...

Потому что 3 апреля 1538 г. умерла Елена. Умерла внезапно, ничем не болела. А исследование ее останков однозначно установило причину смерти. Содержание мышьяка в них оказалось в 10 раз выше предельно допустимого уровня. И это было не просто убийство. Это был хорошо спланированный переворот. Организовали его бояре, чья фамилия уже неоднократно встречалась среди оппозиционеров и заговорщиков. Шуйские. Глава их клана, Василий Васильевич Шуйский с 1535 г. был главнокомандующим русской армией, вместе с братом Иваном верховодил в Боярской думе. Они подтянули в Москву своих сторонников, дружины слуг.

Переворот был вершущечным, быстрым, москвичи не подозревали, что же произошло. Елена скончалась «во втором часу дня» (время дня и ночи считали от восхода или заката солнца, т. е. она преставилась около восьми утра). В тот же день ее похоронили, без великокняжеского погребального чина, без прощания народа, оплакивания. Скоплений людей избегали, даже митрополита не пустили на похороны – заговорщики не доверяли ему, фактически взяли под арест. Правительницу России, мать государя поспешно вынесли из дворца и закопали!

Оставался любимец государыни Иван Телепнев, но... без правительницы он ничего не значил. Он был популярен в армии, но ведь он сам во время войны легкомысленно уступил пост главнокомандующего Шуйскому, увлекся подвигами в передовом полку. Переворот застал Телепнева врасплох, он был оторван от своих удалых рубак. Еще вчера он был могущественным воеводой, третьим лицом в государстве. А сейчас его единственной опорой остался ребенок, великий князь Иван! Конюший укрылся в его покоях, утешал после смерти матери, но и сам видел в нем хоть какую-то защиту. Очевидно, пытался связаться с друзьями. Но Шуйские оцепили дворец, никого не пропускали.

Им понадобилась неделя, чтобы договориться с остальными боярами, кого-то подкупить, перетянуть на свою сторону, остальных припугнуть. А потом и защита маленького государя не помогла. Победители бесцеремонно явились в его покои, схватили Телепнева вместе с мамкой Аграфеной Челядниной. Великий князь Иван Васильевич плакал, умолял, но на него не обращали внимания. Телепнева без суда бросили в темницу, и вот он-то умер

очень быстро. Его уморили голодом. Аграфену постригли в монахини и сослали в Каргополь. Но «дядька» Федоров-Челяднин не пострадал. Мало того, при новых правителях он возвысился. Только перестал быть «дядькой» при Иване – его купили другими должностями и пожалованиями, чтобы не путался под ногами.

Эти события позволяют ответить на некоторые неясные вопросы. Почему Андрей Старицкий так упорно и, на первый взгляд, бессмысленно отсиживался в своем уделе? А когда начался его преждевременный мятеж, почему хотел засесть в Новгороде? Победить в междоусобице для него было совершенно не реально. Но он надеялся дожидаться, пока сообщники в Москве сумеют отравить Елену... Если бы к моменту переворота Старицкий был еще жив, дальнейшее решалось автоматически. Он стал бы государем, а Иван с братом Юрием сгинули вслед за матерью и приближенными. Однако Андрея уже не было. Чуть-чуть не дождался. Поэтому заговорщикам пришлось сохранить ребенка, чтобы править от его имени.

Но стоит особо подчеркнуть немаловажный факт. Боярская оппозиция по-прежнему была связана с Западом! Ни один русский источник не сообщал, что Елена отравлена. Иван Грозный впоследствии так и не узнал об этом. В своих разборках с боярами он никогда не выдвигал обвинений в убийстве матери. Однако за границей о ее убийстве знали! Мало того, одобряли! В прошлой главе мы рассказывали про барона Герберштейна, дипломата и шпиона, добывавшего у бояр географические секреты и политические сплетни. В своих записках он указал, что Елена была отравлена, и назвал злодеяние «справедливой мстью». Отметим, что в России он побывал в 1517 и 1525 гг. В 1538 г., когда совершился переворот, Герберштейн жил далеко от нашей страны, в Вене. Значит, каким-то образом получал информацию из боярских кругов. А заговорщики почему-то считали нужным делиться с чужеземцами столь страшными тайнами. Только ли делиться? Или их действия регулировались из-за рубежа?

Узел третий

Временщики – Шуйские и Бельские

Шуйские происходили из суздальских князей, Рюриковичей. Причем они были из старшей ветви, а московские государи из младшей. Так сложилось исторически, и традиция уже прочно закрепила престол великого князя за потомками Калиты и св. Дмитрия Донского. Кстати, старшая ветвь Шуйских вела свой род от давнего предателя Василия Кирдяпы. В 1382 г. он был одним из тех, кто навел хана Тохтамыш на Москву, помог уговорить защитников открыть ворота, в результате чего было вырезано 24 тыс. человек. Кирдяпе пришлось поплатиться за это. Сын Дмитрия Донского Василий отобрал у него и его родных их княжество – Суздаль, Нижний Новгород, Городец, а на «прокормление» дал городок Шую.

Князья, превратившиеся в Шуйских, обозлились, сбежали в Орду, налетали на Русь с татарами. Поучаствовали в заговоре и перевороте Шемяки, командовали войсками мятежного Новгорода в его конфликтах с государем. Потом Шуйские вроде бы уgomонились, вошли в состав московской знати, но никогда не забывали – они тоже имеют права на великое княжение! В 1538 г., отравив Елену, они наконец-то дорвались. Старший в их роду, Василий Васильевич Шуйский присвоил себе давно забытый титул наместника московского. Власть он приобрел такую, что в летописи его называли на первом месте: «Того же году был на Москве наместник князь Василей Шуйский, а князь великий тогда был мал».

Но амбиции Шуйского заносились еще выше. Совершив переворот, он сразу освободил из тюрем и ссылок участников прежних заговоров: Ивана Бельского, Андрея Шуйского и др. Но после смерти мятежника Андрея Старицкого оставались под арестом его жена Евдокия и сын Владимир. Их Шуйский оставил под стражей. Лишний претендент на престол временщику не требовался, а палаты Старицких он захватил для себя. Он был уже в летах, овдовел. Но через три месяца после захвата власти женился на молоденькой Анастасии – дочери крещеного татарского царевича Петра. А матерью невесты была родная сестра Василия III! Боярин породнился с правящей династией, стал дядей малолетнего Ивана Васильевича.

Дальнейших шагов к престолу он пока не делал. Понимал, что может получить мощную конфронтацию со стороны других бояр, церкви, народа. Но ребенок до поры до времени ему не мешал. Наоборот, давал легитимное прикрытие власти. Вот его и не трогали, пусть числится великим князем, а дальше видно будет. Но с осиротевшим государем совершенно не считались. Впоследствии Иван Грозный вспоминал, что их с братом Юрием даже кормили плохо, «яко убожейшую чадь», а то и забывали дать поесть. Впрочем, победители не считались ни с кем. По собственному усмотрению раздавали назначения, ставили на все теплые места собственных клевретов.

Зато Шуйские пошли на серьезнейшие уступки внешним противникам. Собирать войска они опасались, как бы не повернули оружие против них. Вместо этого предпочли любой ценой мириться с Крымом и Казанью. Согласились на требования крымского хана Сахиб-Гирея заключить с ним «союз» – это значило крупные выплаты и обязательство русских «не воевать Казани». Но шайки крымских «союзников» как ни в чем не бывало продолжали нападать на южные районы. А казанцы узнали, что их не будут воевать, и вообще обнаглели. Прервали переговоры, начатые при Елене. Полезли на Русь, грабили окрестности Нижнего Новгорода, Муром, Мещеры, Вятки, Перми, появились в районах, которые считались внутренними и безопасными, – возле Вологды, Устюга, Тотьмы, Кинешмы, Костромы.

Народ зароптал. Возмущались и многие бояре. Недовольных возглавил Иван Бельский. Он сам был изменником, только что вышел из тюрьмы. Но он приходился племянником покойному государю Василию III, двоюродным братом маленькому Ивану. Сейчас Шуйские

откровенно обошли его, оттерли от власти. Бельский собирал вокруг себя недовольных. Его союзником стал митрополит Даниил, он постоянно имел доступ к великому князю. Бельский и митрополит попытались действовать через державного ребенка. Обращались к нему напрямую, без Шуйских, получали нужные им распоряжения, назначения для своих сторонников.

Но им не позволили перехватить Ивана Васильевича под свое влияние. Осенью 1538 г. Василий Шуйский одним махом раздавил оппозицию. Причем обошелся даже без формального согласия государя! Составил приговор от имени «наместника московского» и Боярской думы. Ивана Бельского отправили обратно в тюрьму, его помощника дьяка Мишурина обезглавили, их единомышленников сослали по деревням. А Даниила свергли с митрополии и отправили в Иосифо-Волоколамский монастырь. На его место возвели Троицкого игумена Иоасафа.

Правда, Василию Шуйскому не довелось насладиться плодами победы. В разгар расправ он скончался. Может быть, пожилого боярина отправили на тот свет вспышки собственного гнева и нервные перегрузки. Или жена оказалась слишком молодой для него. А может, свели счеты соперники. К вершине власти выдвинулся его брат, Иван Васильевич Шуйский. Он во многом отличался от Василия. Не был политиком, не вынашивал далеко идущих замыслов. Он проявил себя просто вором. Принялся грести из казны золото и серебро, якобы для жалованья войскам. А чтобы «отмыть» ценности, их переплавляли в чаши, кувшины, сосуды, на которых ставилось фамильное клеймо Шуйских – вроде как наследственное, от предков досталось.

Остальные Шуйские и их клеветы тоже распоясались. Под их начало раздавали наместничества, города, волости, и они ударились обогащаться без всякого стеснения. Придумывали дополнительные налоги в свой карман. Обирали богатых людей, обвиняя их в мнимых преступлениях. Слуги таких администраторов входили во вкус безнаказанности, хулиганили, задарма хватали на рынках и в лавках понравившиеся товары. Особенно «отличились» Андрей Михайлович Шуйский и Василий Репнин-Оболенский, наместники в Пскове – летопись сообщала, что они «свиристествовали, аки львы», выискивали поживу даже в храмах и монастырях, и жители окрестных мест боялись ехать в город.

Искать управу было негде. Временщики ввели в русские законы новшество по образцу Польши и Литвы. Так же как в этих странах постановления сената, решения Боярской думы стали иметь равную силу с указами государя. А решения Думы контролировали Шуйские. Теперь они могли обходиться совсем без ссылок на великого князя. Иван и его брат Юрий жили сами по себе, нужные только для торжественных церемоний. Воспоминания Грозного сохранили яркую сцену, как они с братом играют, а Шуйский по-хозяйски заходит в спальню, разваливается, облокотясь на царскую постель и взгромоздив сапог на стул. Ему ли, всесильному, было считаться с детишками, копошащимися на полу?

Но положение страны быстро ухудшалось. Подати разворовывались. Жалованья, переплавленного в «фамильные» драгоценности, воины не получали. Дворяне и «дети боярские» разъезжались со службы по поместьям, чтобы прокормиться. Строительство крепостей и засек по границам прекратилось. Вся система обороны, кропотливо создававшаяся Иваном III, Василием III и Еленой, поползла по швам. Литовцы, ливонцы, шведы вели себя все более дерзко. Поняли, что Русь ослабела, не стеснялись нарушать пункты мирных договоров. А крымцы и казанцы вообще разгулялись по русским землям.

Летописец рассказывал «не по слуху, но виденное мною, чего никогда забыть не могу»: «Батый протек молнией Русскую землю, казанцы же не выходили из нее и лили кровь христиан, как воду... Обратив монастыри в пепел, неверные жили и спали в церквях, пили из святых сосудов, обдирали иконы для украшения жен своих усерзиями и монистами; сыпали горячие уголья в сапоги инокам и заставляли их плясать; оскверняли юных монахинь; кого

не брали в плен, тем выкалывали глаза, обрезали уши, нос, отсекали руки и ноги...» Другая летопись констатирует: «Рязанская земля и Северская крымским мечом погублены, Низовская же земля вся, Галич и Устюг и Вятка и Пермь от казанцев запусте».

Дошло до того, что казанский Сафа-Гирей считал себя победителем России и требовал платить ему такую же дань, как когда-то Золотой Орде. А Шуйские вместо того, чтобы проучить хищников, по-прежнему ублажали их. Униженно обращались к крымскому Сахиб-Гирею, увеличивали «дары», согласились признать Казань его владениями. Приводили доказательства своего миролюбия: дескать, казанцы разоряют нас, но мы в угоду Крыму «не двигаем ни волоса» против них.

К турецкому султану временщики отправили на переговоры Федора Адашева с сыном Алексеем. Они тоже унижались, ублажали османов уступками. Адашевы были верными помощниками Шуйских, поэтому их за поездку в Стамбул щедро наградили. Хотя на самом деле их миссия дала сугубо отрицательные результаты. Уступки и отказ московского правительства от претензий на Казань султан Сулейман воспринял так же, как татарские ханы. Россия ослабела и не может защищаться! А к султану казанцы обратились уже давно, просились в подданство. В Крыму сидел изменник Семен Бельский, отдавший ему Рязань. Вместо того чтобы запретить набеги крымцам и казанцам, Сулейман приказал готовить поход, забрать Рязанщину для перебежчика. Выделил для этого янычар, артиллерию.

Но тем временем на Руси копилось возмущение. Многие бояре отдавали себе отчет, что страна покатируется к гибели. Оппозиция стала складываться вокруг нового митрополита, Иоасафа. Но вела себя куда более осторожно, чем в прошлый раз. Недовольные не встречались вместе, ничего не обсуждали. Но митрополит по своему положению общался с боярами, с великим князем Иваном – и связывал их между собой. Выработали общую позицию, лидером определили того же Ивана Бельского. В 1540 г. устроили переворот, мирный и бескровный. Иоасаф и бояре вдруг явились к государю, ходатайствовали простить Бельского. Получив согласие, дружно двинулись в тюрьму, освободили его, привели в Думу и усадили на высшее место.

Ошеломленный Иван Шуйский был поставлен перед фактом. Страшно оскорбился и отказался участвовать в заседаниях Думы. А его противникам этого и требовалось! Получилось, что прежний временщик уступил власть. Вокруг Бельского составилось новое правительство. Начало предпринимать меры по выходу из кризиса. Смещало проворовавшихся наместников и чиновников. Изыскивало средства на жалованье военным. Возвращало на службу «детей боярских», созывало и нанимало казаков, пушкарей, городских пищальников, усиливались гарнизоны крепостей.

Нет, Бельский не желал восстановления самодержавной монархии. Он мечтал, чтобы в России установилось правление аристократов, как у литовцев и поляков. Но он стремился сохранить сильную державу, не допустить развала, пресечь татарский разбой. Новый временщик полагал, что для этого должны сплотиться и объединиться все знатные роды. Искренне верил, что это возможно и закономерно. Ведь аристократы должны понять, что оздоровление государства в их интересах! Они укрепляют и защищают собственное достоинство!

Бельский амнистировал всех политических преступников, освободил Ефросинью Старицкую с сыном Владимиром. Им вернули прежний удел, разрешили иметь дружину. Но не преследовали и Шуйских с их приближенными. О допущенных безобразиях никто не вспоминал, к ответственности их не привлекали. Иван Бельский обеспечил амнистию даже для своего брата-предателя, Семена. От имени юного государя ему послали прощение, приглашали вернуться на родину, обещая почести и боярство. Перед ним еще и извинялись за прошлые обиды – виновным объявили покойного Телепнева. Правда, получилось так, что гонец

из Москвы и Семен Бельский разминувшись. Когда грамоту везли в Крым, «обиженный» вместе с ханом вел татар на Русь.

Да, меры по укреплению обороны оказались исключительно своевременными. Как раз в это время два ханства готовили совместный удар. У них лишь случился разнобой. Крымцы ходили на Русь через степи, коням нужен был подножный корм. А для казанцев лучшими дорогами служили замерзшие реки, и лошадей они кормили сеном, заготовленным в русских селениях. Они вторглись в декабре 1540 г., докатились до Муром. Но гарнизон и жители стойко отбивались. На выручку быстро выступили две рати, Дмитрия Бельского из Владимира и служилого царя Шах-Али из Касимова. Узнав об этом, хан Сафа-Гирей ринулся прочь, наши воины гнали его, уничтожали рассыпавшиеся банды.

Правительство начало готовить ответный поход на Казань. Во Владимире собиралась большая армия, командование Бельский благородно уступил своему врагу Ивану Шуйскому – протягивая ему таким образом руку для примирения. Но весной 1541 г. стали поступать известия, что гроза надвигается с юга. Крымский Сахиб-Гирей поднял в поход всех подданных, присоединились ногайцы, турецкие янычары с артиллерией, отряды из Кафы, Азова. Полчища превышали 100 тыс. человек. Шли сокрушить нашу страну и утвердить в Рязани султанского вассала Семена.

Войско Шуйского было оставлено во Владимире, прикрывать Русь со стороны Казани. А командование на юге принял сам Иван Бельский. Формировались полки в Серпухове, Коломне, Туле, Рязани. А в Москве Дума и митрополит решали, что делать. Увозить ли десятилетнего государя на случай осады? И выяснилось, что на Руси... нет больше безопасных мест! Псков и Новгород «смежны с Литвой и немцами». Было ясно, что при удобном случае они не преминут ударить. Кострома, Ярославль, Галич находились под угрозой казанцев. Великий князь, волей-неволей оставленный в столице, делал единственное, на что был способен. Вместе с братом на глазах людей со слезами молился перед Владимирской иконой Пресвятой Богородицы, перед гробницами св. митрополитов Петра и Алексия.

В войска повезли письмо Ивана Васильевича. Великий князь призывал ратников грудью преградить врагу путь к Москве, а тех, кто падет в битве, обещал вписать в поминальные книги, и «того жена и дети будут моими ближними». Послание ребенка вызвало колоссальное воздействие. Видавшие виды бойцы, слушая его, плакали. Кричали: «Мы не бессмертны, умрем же за Отечество!», «Хотим пить чашу смертную с татарами за государя!». 30 июля хан вышел к Оке. Но попытки с ходу форсировать реку были отражены. Как только обозначилось место переправы, к нему двинулись полки с других участков. Сахиб-Гирей видел, как против него выстраиваются массы войск, сверкающих доспехами. Русские пушки установили на высотах батареи и принялись бойко отвечать на турецкий огонь. Пищальники и лучники отогнали татар от берега, воины смеялись и кричали: «Идите сюда, мы вас ждем!»

Хан обругал Семена Бельского и своих советников, кричал, что его обманули, заверив в беспомощности Руси. Ночью по огням, по шуму в русском лагере поняли, что подходят все новые отряды, и Сахиб-Гирей испугался битвы. Под покровом темноты снялся с места и стал уходить. За ним кинулись в преследование, гнали и трепали до Дона. Победа была полной. Служились благодарственные молебны. Русь снова показала себя великой державой, а Иван Бельский, ее избавитель, находился на вершине славы. Но... мечты об идеальной и дружной аристократической державе обернулись бедой для него.

Рать Ивана Шуйского оставалась во Владимире. Предполагалось, что она выступит на Казань. Но свергнутый временщик поил и угощал подчиненных, соблазнял радужными обещаниями. Жаловался, как несправедливо обошлись с ним враги. Дворяне и «дети боярские» восхищались щедрым начальником, давали ему тайную присягу. К заговору примкнули родственники из клана Шуйских, Кубенские, Палецкий, казначей Третьяков. Поддержала вер-

хушка Новгорода, давно связанная с Шуйскими. Она под разными предлогами посылала в Москву своих людей, в столице тайно накапливались отряды.

Среди ночи 3 января 1542 г. из Владимира примчались всадники во главе с Петром Шуйским, сыном Ивана. Был подан сигнал. Заговорщики, отряды их слуг и новгородцев ринулись по заранее намеченным адресам. Ивана Бельского и его приближенных сразу схватили. Ворвались в покои великого князя, разбудив и перепугав мальчика. Но сам он никого не интересовал, связали и уволокли находившегося при нем князя Щенятева. Вломились и в резиденцию митрополита, перебив окна. Иоасаф бежал сперва на подворье Троицкого монастыря, потом к великому князю. Куда там! Заговорщики второй раз вломились в спальню государя, митрополита едва не убили.

На рассвете прибыл Иван Шуйский. Он «пришел с ратью», вступил в город как победитель. Арестованных противников заточил по разным городам. Ивана Бельского отправил в Белоозеро. Но Шуйский учел прежний опыт, что заключенного могут освободить, и послал убийц. Недавнего победителя татар без всякого суда прикончили в тюрьме. Митрополит Иоасаф был лишен сана и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Кем его заменить, узурпатор определился далеко не сразу. Те иерархи, которых предлагало духовенство, Шуйского не устраивали – дважды обжегшись с митрополитами, он не хотел получить третьего оппозиционера.

Наконец, остановился на кандидатуре архиепископа Новгородского Макария. Он тоже не слишком нравился временщику. Хотя и из Новгорода, но не примкнул к мятежникам. Но Макарий славился как ученый книжник. Сформировал вокруг себя настоящую «академию» из лучших умов той эпохи. Вел грандиозную работу по созданию «Великих Четий-Миней» – книг, которые должны были обобщить весь круг православного чтения. Эта работа шла 12 лет и завершилась созданием Софийского свода «Великих Миней» из 12 томов (28 тыс. страниц). А по натуре святитель Макарий был человеком мягким, и Шуйский считал его менее опасным, чем другие кандидаты. Рассудил, что он и в Москве займется своими изысканиями, в политику не полезет.

Действительно, на посту митрополита перед Макарием открылось поле деятельности гораздо шире, чем в Новгороде. Он принялся собирать памятники православной литературы по разным городам, монастырям, и за 10 лет был создан еще более полный, Успенский свод «Великих Миней», настоящая энциклопедия, где были «все святые книги собраны и написаны, которые в Русской земле обретаются». Однако насчет лояльности святителя Шуйский ошибся. Макарий был учеником и последователем св. Иосифа Волоцкого. Полностью разделял его учение о православной монархии, о сильной государственной власти.

Но он не стал связываться ни с какими заговорами и оппозициями. Нет, святитель Макарий избрал другой путь, чем Даниил и Иоасаф. Он начал готовить православного царя! Юный Иван по-прежнему находился в полном пренебрежении у властителей, рос с братом как придется. Ни одна придворная роспись не упоминает, что у них вообще были воспитатели и учителя! Именно этим митрополит и занялся. Вместе со специалистами своей «академии» взял на себя воспитание великого князя. Впоследствии все исследователи признавали Ивана Грозного одним из самых образованных людей своей эпохи – это заслуга святителя Макария.

Что ж, таким занятиям Шуйские не мешали. Проводит государь все дни за «поповскими» книгами – ну и ладно. А делами будут заправлять другие. Правда, Ивану Васильевичу Шуйскому довелось наслаждаться властью недолго. Он расхворался, перестал появляться в Думе, а потом умер. На главные роли выдвинулись Андрей Михайлович Шуйский (грабитель Пскова), его брат Иван Михайлович и Федор Скопин-Шуйский. Они стали такими же всесильными временщиками, как покойный родственник. Иностранцы почти-

тельно именовали их «принцами крови» (это звание означало не только высокое положение, но и права на престол).

Ну а политика государства вернулась на круги своя – если раздраз и развал можно было назвать политикой. Поход на Казань отменили. Правители снова соглашались мириться с ней на любых условиях. Сафа-Гирей, видя такое дело, даже в переговоры вступать не стал. Возобновил набеги. В России опять пошло повальное хищничество. Раньше наместнику выдавали особую грамоту, в ней оговаривались права и обязанности, «доходные списки» – на какие сборы и пошлины он имеет право. Теперь эти грамоты перестали выписывать. Приближенные Шуйских получали «кормления» без всяких ограничений. Выжимай, сколько сможешь. Расхватывали и земли. Например, в Тверском уезде за пару лет правления Шуйских было роздано в поместья больше земли, чем за предыдущие 40 лет! Временщики такими способами расплачивались с участниками переворота, покупали сторонников на будущее.

Разумеется, не забывали и себя. Вынуждали других хозяев продавать владения по дешевке или просто отнимали. Насильно перегоняли в свои имения крестьян из чужих поместий. Округляли вотчины за счет казенных земель. Крестьяне «черносошных», т. е. свободных, деревень оказывались вдруг во власти боярина и его присных. Выписывалось множество тарханных грамот, освобождавших вотчины от налогов. Подобные беззакония вызвали волнения в народе. Крестьяне бежали, вспыхивали бунты в обираемых городах, росло количество «разбоев».

Подрастающего государя властители удерживали под неусыпным контролем. Например, в его окружении появился Федор Воронцов, понравился мальчику. Временщики сразу насторожились, хотели прервать их контакты. Но Воронцов не внял предупреждениям, а Иван Васильевич его «любил и жаловал», приказал свободно допускать к себе. Тогда Шуйские продемонстрировали силу. 9 сентября 1543 г. на заседании Думы они со своими сторонниками Кубенскими, Палецким, Курлятевым, Пронским, Басмановым набросились на Воронцова. Ничуть не стесняясь присутствия государя и митрополита, вытащили «провинившегося» в соседнюю комнату, избивали и хотели прикончить.

Иван Васильевич в ужасе плакал, просил Макария защитить любимца. Митрополит и бояре Морозовы пошли к разбуянившимся «принцам крови», именем государя стали заступаться за Воронцова. Шуйские смиловались, пообещали, что не убьют, и поволокли его в тюрьму. Великий князь вторично послал митрополита и бояр. Молил – если уж нельзя оставить Воронцова в Москве, пусть его вышлют в Коломну. Бояр, явившихся с ходатайством, Шуйские и их клеветы «толкали в хребет», выгоняя вон. Грубо обругали самого митрополита, казначей Фома Головин изорвал его мантию и топтал ее. А Воронцова с сыном Иваном решили сослать в Кострому, причем заставили государя утвердить приговор.

Но, кроме Воронцова, рядом с Иваном Васильевичем возник Алексей Адашев. Мы уже упоминали о нем, он принадлежал к лагерю Шуйских, был награжден за позорное посольство к турецкому султану. С государем Алексей подружился, завоевал его доверие, и против их знакомства временщики не высказывали никаких возражений. Отсюда можно сделать однозначный вывод – Адашев был фигурой совсем не случайной, ему предназначалось приглядывать за великим князем.

Однако присмотреть получалось не всегда. Государю исполнилось 13 лет. Он сам кое-что начал понимать, задумываться о выходе из положения. Миновала неделя после скандала с Воронцовым, и юный Иван отправился на обычное ежегодное богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Но объявил, что он уже подросток. Хочет ездить осенью на охоты, как покойный отец. Из монастыря отправился в Волоколамск. Его сопровождала свита бояр. Но Шуйские остались в Москве, у них имелись более важные дела – без лишних свидетелей было куда

удобнее проворачивать свои махинации. Они жестоко просчитались. Для великого князя тоже было удобнее без столичного окружения.

В путешествии и на охоте проще было избежать чужого внимания. Бояре, недовольные Шуйскими, смогли переговорить с ним. Нашли общий язык, выработали план действий. В Москву вернулись в ноябре. А после Рождества на заседании Думы Иван Васильевич впервые проявил себя Грозным. Он неожиданно приказал арестовать предводителя Шуйских, Андрея Михайловича. Отметим, что государь не мог опереться ни на придворных, ни на военных! Это было ненадежно и слишком опасно. Для переворота сформировали команду из холопов-псарей. Видимо, там же, где охотились. Псарям передали Андрея Шуйского, и они князя до тюрьмы не довели, убили по дороге. А уж потом, задним числом, были оглашены его вины – ограбление дворян, насилия над крестьянами и горожанами, бесчинства его слуг.

Был ли Шуйский убит по приказу государя? Или бояр? Или сами псари отыгрались на ненавистном временщике? Неизвестно. Но в любом случае сценарий представляется многозначительным. Великий князь и поддержавшие его бояре считали себя не в силах легитимными средствами избавиться от узурпатора! И только после того, как клан «принцев крови» обезглавили, стало возможным наказать остальных преступников. Посадили в тюрьму Ивана Кубенского, сослали в разные города Федора Скопина-Шуйского, князя Юрия Темкина, Фому Головина и других клеветов вчерашних правителей. Афанасию Бутурлину за поносные слова на государя урезали язык. А летописец расправу над Андреем Шуйским и его присными прокомментировал с откровенным одобрением: «От тех мест начали бояре бояться, от государя страх имети и послушание».

Узел четвертый Избранная Рада

После того как 13-летний Иван IV избавился от Шуйских, его опорой стали бояре, помогавшие в перевороте, – Захарьины-Юрьевы, Морозовы. Он возвысил братьев матери, Михаила и Юрия Глинских. Пожаловал в бояре своего любимца Воронцова. Но рядом с ним оставался и другой любимец, Адашев, подсунутый ему Шуйскими. Впоследствии изменник Курбский пустил слух, будто бояре нарочно развращали молодого государя, приучали к разгулу, и он проводил время в праздных потехах. Либеральные историки распространяли именно эту версию, но факты показывают, что она абсолютно недостоверна. Оставим клевету на совести авторов, если совесть у них существовала.

Адашева тот же Курбский нарисовал чуть ли не ангелом во плоти: крайне религиозный, высоконравственный, он очень строго постился, отдавал все свободное время и деньги благотворительности, организовал в своем доме приют для нищих... А ведь он постоянно находился рядом с государем! Если хотел сохранить его близость, должен был подражать ему. Можно смело утверждать, что Адашев как раз и подстраивался к натуре Ивана Васильевича. Великий князь очень дружил со св. Василием Блаженным, приглашал к себе во дворец. Известно, что св. Василий открыто обличал его грехи. Но какие? Указывал, что во время церковной службы Иван Васильевич мысленно отлучился из храма, думал о строительстве загородного дворца в Воробьеве. Если бы за ним числились более серьезные пороки, неужели юродивый не обличил бы их? Но этого не было.

Государь по-прежнему был близок со святителем Макарием, под его руководством продолжал образование. Со стороны митрополита никаких нареканий тоже не было. Что же касается «потех» государя, то последующие историки допустили подтасовку. Если мы внимательно читаем летописи, то увидим, что под «потехами» понимались всего лишь охоты. Это было единственное развлечение, которое оставил себе Иван Васильевич. Государевы охоты были и отдыхом, и спортивными занятиями для поддержания здоровья, и воинскими тренировками для его дружины.

Но указание летописи, что бояре после разгрома партии Шуйских начали «страх имети и послушание», осталось лишь благим пожеланием. Знать своевольничала, распоряжения выполняла кое-как. В декабре 1544 г. крымский царевич Иминь напал на Белевский и Одоевский уезды. А воеводы Петр Щенятев, Константин Курлятев и Михаил Воротынский поссорились по поводу своего старшинства, не желали подчиняться друг другу. Войско просто-яло на месте, а татары ушли, угнав множество пленных. В 1545 г. замыслили поход на Казань. Князь Микулинский, назначенный командовать, не желал идти на войну и фактически сорвал операцию.

Новое правительство, сформировавшееся вокруг государя, оказалось слишком слабым. Глинские никогда не занимали важных постов, в государственных делах были совершенно неопытными. А Воронцов, очутившись в фаворе, зазнался, стал претендовать на роль нового временщика. Вокруг великого князя шли склоки и интриги за влияние на него. А положение в стране ничуть не улучшилось. Раньше к выгодным кормушкам дорывались приближенные Шуйских. Теперь – приятели тех, кто возвысился после их падения. Но и прежние преступники никуда не делись. Боярские роды были переплетены между собой, и за наказанных находились заступники. В прошлой главе мы отмечали, что один из главных соучастников воровства Шуйских, князь Иван Кубенский, попал в тюрьму. Но отсидел лишь пять месяцев. За него подавали многочисленные ходатайства, и его простили.

А народ стонал, сыпались жалобы. Некоторые из них доходили до государя. Когда стали разбираться и искать виновных, в опалу угодил тот же Кубенский. Вместе с ним Петр Шуйский, Горбатый, Палецкий. Но и Воронцов попал вдруг в компанию своих прежних противников. Выяснялось, что доверие государя он использовал далеко не в лучших целях. В том числе покрывая и выгораживая провинившихся за хорошую мзду. Впрочем, и эти наказания были недолгими. Родственники ринулись к митрополиту, молили заступиться. В результате все опальные получили прощение.

Прорвалось в Новгороде. В 1545 г. собирали войска против казанцев и крымцев, и из Москвы туда спустили разнарядку, 2 тыс. пищальников. Цифра была явно непосильной – все население Новгорода составляло 26 тыс. Очевидно, в правительстве рассчитали, что богатый город наймет воинов. Однако состоятельная верхушка не пожелала раскошеляться. Бросали жребий, и те же толстосумы откупались взятками. Перекидывали воинскую службу на бедноту. Это вызвало возмущение, беспорядки.

А в 1546 г. ожидали нападения крымцев, и в Новгород пришел указ снова прислать пищальников. Местная элита опять переложила повинность на простонародье, и выплеснулся открытый бунт. Его усмирили. 25 человек, признанных виновными, посадили в тюрьму. В это время армия разворачивалась на рубеже Оки. Приехал 15-летний государь, расположив ставку у Голутвина монастыря. Татары не появились, но и без сражений летние выходы войск на Оку играли важную роль. Проводились смотры, учения. Великий князь и его чиновники проверяли укомплектование полков, боеготовность, вооружение.

В промежутках между делами Иван Васильевич поехал на охоту, но ему преградили путь 50 новгородских пищальников. На лесной дороге неожиданно появился целый отряд, с оружием! Государь, конечно, встревожился, «велел их отослати». Новгородцы не послушались. Дворяне из свиты попытались отогнать их силой, но пищальники вступили в бой. Загремели выстрелы, стали рубиться саблями. С обеих сторон было убито около десяти человек, многие ранены. Бунт в армии, человеческие жертвы – это было серьезно. Началось расследование. Его возглавил дьяк Василий Захаров Гнильевский, активное участие принял Алексей Адашев.

Оказалось, что пищальники хотели жаловаться на свои обиды. Государь потребовал выяснить, «по чьему науку быть сему супротивству» – ведь откуда-то знали, где перехватить его, приказа разойтись не послушались. Следствие обвинило Ивана Кубенского, Федора и Василия Воронцовых и Ивана Федорова-Челяднина. Судили их бояре. Федоров покаялся, его оправдания сочли удовлетворительными, и он был прощен. А троих осудили на смерть, великий князь утвердил приговор, и их обезглавили. В чем конкретно был виноват каждый из казненных, остается неизвестным. Кто-то из них подучил ратников пробиваться к государю (с заряженными пищальми!). Возможно, кого-то осудили за безобразия, допущенные по отношению к новгородцам.

Стоит обратить внимание, что самих пищальников Иван Васильевич простил. В перестрелке он подвергся нешуточной опасности, но оставил их безо всякого наказания. Он искренне, всей душой стремился улучшить жизнь своих подданных. Однако навести порядок в стране можно было лишь тогда, когда он сам возьмет на себя государственные дела. Митрополит Макарий готовил к этому Ивана Васильевича. Когда ему исполнилось 16 лет, святитель счел, что пора пришла. Начало самостоятельного правления должно было стать глубоко символическим. По наставлениям Макария, великий князь принял два решения – жениться и венчаться на царство. По русским традициям, «взрослым» считался только женатый человек, глава семьи. А венчание на царство задумывалось впервые.

Сам титул царя иногда употреблял еще Андрей Боголюбский – он встречается в церковных службах. Впоследствии он мелькал в переписке с иноземцами. Но официально на Руси величали царями императоров Византии и ханов Золотой Орды. Заявка была более чем

серьезной. Приняв этот титул, Иван Васильевич объявлял себя духовным преемником греческих императоров, главой православного мира. А с другой стороны, он претендовал быть преемником ордынских царей, наследником их бывших владений. св. Макарий сам разработал чин венчания на царство. Взял за основу византийские образцы, но переработал их применительно к русским условиям.

Митрополит верил, что великое дело должно объединить и примирить всех, поможет преодолеть вражду и разногласия. На торжества он собрал всех бояр, как верных государю, так и вчерашних крамольников, находившихся в опале. 16 января 1547 г. в Москве зазвонили колокола «сорока сороков» церковей. В Успенском соборе Кремля на Ивана Васильевича возложили знаки власти: Честной Животворящий крест, бармы, шапку Мономаха. св. Макарий благословлял его укреплять «суд и правду» в родной земле, оборонять ее от врагов, быть милостивым к подданным и строго карать зло, а церковь объявлялась для царя «матерью».

Поддержать юного Ивана в его нелегком деле призывалась не только земная, но и Небесная церковь, святые заступники. Для этого в феврале митрополит созвал Освященный собор. В ходе своих трудов по составлению «Четий – Миней» он собрал сведения о жизни и подвигах многих подвижников, и теперь было официально канонизировано 23 русских святых – один из предков царя Александр Невский, крестители Муромской земли князь Константин с сыновьями Михаилом и Федором, митрополит Московский Иона, известные подвижники Пафнутий Боровский, Макарий Калязинский, Александр Свирский, Савватий и Зосима Соловецкие, Михаил Клопский, ученик Сергия Радонежского Никон и др.

А 13 февраля состоялось еще одно торжество – свадьба царя. Его невестой стала Анастасия Романовна из рода Захарьиных-Юрьевых. Это был один из самых знатных боярских кланов. И не только знатных. Захарьины-Юрьевы ни разу не участвовали ни в каких заговорах, не принадлежали ни к каким оппозициям! Этот род московской аристократии всегда был одним из самых верных государю! Свадьба была пышной. Раздавались милостыни, прощались осужденные, шумели веселые пиры. Хотя сами молодые праздновали недолго. Они оставили торжества и отправились в Троице-Сергиев монастырь. Зашагали пешком, по снегу молиться и просить благословения на свою семейную жизнь...

Казалось бы, эти события предвещали коренные перемены. Теперь царь начнет сам вникать в различные стороны государственной жизни, обеспечит дисциплину, прижмет воров. Но... не тут-то было. Нашлись силы, которые такой вариант не устраивал. Начало Великого поста Иван и Анастасия провели в монастыре, а когда они вернулись, стали твориться чрезвычайные происшествия. Способные показаться случайными, но странным образом повторяющиеся.

Летом планировали поход на Казань, заготавливали порох. Его складировали в одной из башен Кремля. Почему-то рядом с дворцом оказалось самое удобное место. А 12 апреля вспыхнул пожар. Башня рванула, часть стены рухнула в реку. С пожаром кое-как справились, но 20 апреля загорелось снова, огонь уничтожил слободы за Яузой. В мае царь вывел на Оку армию на случай нападения крымцев, сам находился в войсках, проверяя их. Адашев состоял при нем оруженосцем. Потом вернулся, но 24 июня полыхнул «великий» пожар.

Он «почему-то» начался сразу в нескольких местах, ветер разносил огонь. Пламя охватило центральную часть города. Кремль, Китай-город, Большой посад превратились в огромный костер. От жара трескались и рассыпались каменные стены, плавилось железо. Погибло несколько тысяч человек. Митрополита Макария полузадохнувшегося спасли из Успенского собора, на веревках спускали к Москве-реке. Веревка оборвалась, он сильно растянулся.

Царь в это время находился в своей летней резиденции, подмосковном селе Воробьево. На следующий день, 25 июня он собрал бояр в Новоспасском монастыре у постели митрополита. Стали обсуждать, как ликвидировать последствия беды и помочь населе-

нию. Но неожиданно выступили князья Скопин-Шуйский, Темкин-Ростовский, бояре Федоров-Челяднин, Нагой, дядя царицы Григорий Захарьин. Утверждали, что пожар начался «злодейством» – поджигательством и волшебством. Удивленный царь приказал разобраться. А заговорщикам только этого и требовалось.

26-го они собрали в Кремле массу отчаявшихся и растерянных погорельцев. Громогласно задавали вопросы, кто поджигал Москву, а их агенты в толпе закричали: «Глинские!» Озвучивалась бредовая версия, будто бабка царя Анна «вынимала сердца мертвых, клала в воду», кропила этой водой город, а потом обернулась сорокой, летала и разносила огонь. Нервная и возбужденная людская стихия взорвалась... Анны и Михаила Глинских вообще не было в Москве, они на лето уехали в свои ржевские имения. А Юрий Глинский находился здесь же, на площади. Он был ошеломлен услышанным, хотел спрятаться в Успенском соборе, но его выволокли и забили камнями.

Заговорщики манипулировали толпами, нацеливая их на своих врагов. Москвичи кинулись ко дворам Глинских, разграбили, а их слуг «бесчисленно побиша». На летнюю службу в Москву прибыл отряд «детей боярских» из Северской земли. Организаторы мятежа сочли их помехой для своих планов, тоже объявили «виновными», и их растерзали. Причем из ссылок были вызваны Шуйские! Кем вызваны? *А неизвестно! Вызвали те, кто уже знал – с царской опалой можно больше не считаться. В эти же дни взбунтовался еще один город – Новгород. Но он забузил без всяких пожаров. Архиепископ Феодосий писал в столицу о «великих убийствах», грабежах и указывал, что новгородцев подпоили. Вполне может быть, что и в Москве для «подогрева» настроений использовалось спиртное.*

Ну а рядом с царем очутился вдруг некий священник Сильвестр. Он происходил из Новгорода. Известно, что он сам и его родственники вели очень крупную торговлю за рубежом. В Москву он перебрался незадолго до пожара и был назначен священником в Благовещенский собор. Хотя это была «семейная» церковь великих князей. Без протекции поступить туда было невозможно. Но к митрополиту он никакого отношения не имел. Их взгляды на церковные вопросы коренным образом различались. Святитель принадлежал к иосифлянам, позиция Сильвестра была близка к нестяжателям. На вопрос, кто помогал устроиться этому человеку, исследователи отвечают однозначно – Адашев.

А во время катастрофы он же провел Сильвестра к государю. К Ивану Васильевичу священник явился то ли в день пожара, на фоне дыма и зарева, то ли сразу после него. «С видом пророка», с горящим гневным взглядом, потрясая поднятым к небу перстом. Объявил, что Господь карает Москву за грехи царя. Сослался на угрожающее видение, якобы бывшее ему от Бога. Позже Иван Грозный вспоминал, что Сильвестр напугал его «детскими страшилами». Но в тот момент «страшила» действовали, и еще как! Царь признавался: «От сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя и смирися дух мой».

Напугать царя было совсем не трудно. Москва бушевала, лилась кровь. 29 июня заговорщики сделали новый ход. Пустили слух, будто Глинские призвали крымского хана, а сами прячутся в Воробьево. Толпы двинулись к Ивану Васильевичу требовать их выдачи. А режиссеры мятежа позаботились подвезти оружие, раздавали людям копыя. Их слуги формировали отряды, вели «боевым обычаем». Москвичей науськивали, будто царь знал о планах Глинских, а сейчас прячет их. Впоследствии Иван Васильевич подтверждал: «Бояре научили были народ и нас убить».

Вот в этот момент «верного» Адашева почему-то рядом не было. Под рукой царя не нашлось и никаких воинских сил. Некому оказалось даже увезти его подальше от восставшей столицы! Когда пришли мятежники, царь «удивился и ужасеся», но «не учини им в том опалы». Вступил в унижительные переговоры, обещал разобраться. Хотя и подстрекатели просчитались. Видимо, рассчитывали, что разбуянившаяся чернь убьет Ивана, а там и спросить будет не с кого. Однако народ вовсе не был настроен против царя. Моск-

вичи любили его, шли карать лишь «измену» Глинских. Убедились, что их нет в Воробьеве, и стали расходиться. А сами заговорщики поднять руку на царя не рискнули – народ на конья поднимет.

Что ж, уничтожить Ивана Васильевича не получилось – зато как нельзя лучше удался другой вариант. Захватить его под свое влияние. На царского духовника Бармина тут же выплеснули клевету, будто он был одним из главных смутьянов, подстрекал народ к мятежу. Его отстранили с поста настоятеля Благовещенского собора и отправили в монастырь. Место опального занял Сильвестр. Он «ковал железо, пока горячо». Насел на государя, устрашал карами – дескать, за грехи Ивана Васильевича они обрушатся на всю страну. Призывал к покаянию и «исправлению».

Дождал, добился своего. Царь принялся упрашивать Сильвестра, чтобы тот стал его духовным наставником. А священник еще и кочевряжился, делал вид, будто колеблется. Наконец, милостиво согласился. Но потребовал от Ивана Васильевича полного и безоговорочного послушания. Государь со слезами принял условие... Что ж, метод был уже опробованным. Напомним, Василию III подсунули в советники «старца» Вассиана Косого. И точно так же к Ивану IV протолкнули Сильвестра. Но охмутили царя гораздо сильнее, чем его отца.

Курбский и поверившие ему историки нарисовали очень красочную картину, насколько благотворно Сильвестр и Адашев повлияли на властителя России. Заставили его отказаться от пороков, изменить образ жизни. Новые советники установили на Руси мудрые и справедливые порядки, начали проводить реформы. Но если мы сопоставим эти рассказы с реальными фактами, во многом можно усомниться. После встречи с Сильвестром Иван IV и впрямь изменил образ жизни, «потехи царские, ловы и иные учреждения, еже подобает обычаем царским, все оставиша». Не беспутство, а те развлечения, которые были приняты для государей, «еже подобает обычаем царским». Иван Васильевич вообще отказался от отдыха, отдавая себя только делам и молитвам.

А серьезных пороков за ним, по сути, и не было! Не лишним будет обратить внимание: проповедь Сильвестра могла оказать воздействие только на очень набожного и чистого душой государя. Так в чем же ему пришлось каяться? Нет, грехи были связаны вовсе не с жизнью монарха, а с его царским служением. Он допустил, что в его государстве творились беззакония и несправедливости! В то время на Руси знали, что бедствия приходят не случайным образом, а являются Божьим наказанием. Но в народе понимали, что государь по своему возрасту не мог отвечать за них. Все летописи видели причину напастей в том, что что умножилась «неправда от вельмож». И лишь Сильвестр допустил подтасовку. Возложил вину персонально на Ивана Васильевича.

Для покаяния государя существовало еще одно важное основание. О нем свидетельствуют несколько фактов. В сентябре 1547 г. Адашев отвез в Троице-Сергиев монастырь царский вклад, 7 тыс. руб. Колоссальную сумму! Для сравнения, заупокойный вклад по Василию III составлял 500 руб. По какой же причине вносились деньги? Откупиться от Бога, умиловать его? Нет, православие не знало практики индульгенций. Вклады были платой монахам, которые в последующие годы, десятилетия (или столетия!) будут молиться о чем-либо. Но никаких условий, сопровождающих огромный вклад, в монастырских архивах не отмечено! Зато проговорился Курбский. Он процитировал высказывание, сделанное царем в то время: «Аз от избиенных от отца и деда моего, одеваю их гробы драгоценными оксамитами и украшаю раки неповинные избиенных праведных».

Ивана Васильевича убедили, что действия Ивана III и Василия III по собиранию державы и наведению твердого порядка были неверными! Заговорщики и мятежники, казненные и умершие в опалах, пострадали невиновно! Были «праведными»! А великий «грех» предков ложился тяжким грузом и на самого царя. Поэтому он посмертно амнистировал всех,

кого постигли наказания, давал вклады о их упокоении и хотел отмолить «вину» отца и деда. В таком случае становится ясно, почему отсутствует запись о причине вклада. Она была тайной, передавалась Адашевым устно. Или запись была изъята позже, когда государь разобрался в обмане.

На самом же деле в России произошел очередной переворот. Кардинально поменялся состав правительства. Высший придворный чин, конюшего, носил Михаил Глинский. Получив известия о мятеже в Москве и убийстве брата, он переполошился, что его тоже прикончат. Вместе с близким к нему князем Турунтаем-Пронским вознамерился бежать в Литву. Но противники присматривали за ними, сразу организовали погоню, и они сдались. Царь и бояре судили их. Учили, что они удирали не ради измены, а со страха, и серьезных наказаний они избежали. Но Глинского лишили чина конюшего и отправили с Пронским в ссылку, конфисковав значительную часть их имений.

В Боярской думе возвысились все те же Шуйские, Ростовские, Федоров, Палецкий и др. Сильвестр на словах выступал горячим поборником самодержавия, но сводил эту идею не к полномочиям царя, а только к его ответственности перед Богом. Принялся регулировать Ивана Васильевича и в духовных, и в светских делах, взял под контроль даже его семейную жизнь, диктуя, как и когда ему общаться с женой. Подтверждалось, что царь должен защищать «правду», но одновременно внушалось, каким грехом являются гнев и ненависть, во главу угла выдвигались кротость и смирение.

Вместо единовластия Ивану IV вбивали в голову необходимость «согласия», уговорили поделиться властью с Думой, с братом Юрием и двоюродным братом Владимиром Старицким. Указы стали издаваться коллективные, от всех вместе: «Мы с братьями и боярами уложили...» Хотя Владимир был еще мальчишкой, им полностью руководила мать, вдова мятежника Ефросинья Старицкая. А Юрий, глухонемой от рождения, не мог развиваться нормально – методик обучения глухонемых еще не существовало. Но его женили на дочери князя Палецкого, участника многих заговоров. Этот крамольник стал определять «голос» царского брата.

Ну а ближайшие советники Ивана Васильевича выдвигались по рекомендациям Сильвестра и Адашева. Вокруг государя формировался круг людей, как предполагалось, честных и мудрых. Курбский назвал их Избранной радой. Он писал свои сочинения для иностранцев и применил польское обозначение. По-русски это соответствовало ближней думе. Как назывался этот орган в действительности, никто не знает, он был незаконным и в официальных документах не упоминается. А вошли в него Курлятев, Курбский – друзья Адашева, Шереметевы, Воротынский, Одоевский, Серебряный, Горбатый, Лобанов-Ростовский.

Но этот «неофициальный» орган превратился в теневое правительство, присвоившее себе огромные полномочия. Избранная рада фактически стала высшей судебной инстанцией, осуществляла назначения воевод и наместников, распределяла награды, вотчины, жаловала в боярство, изгоняла со службы, и Пискаревский летописец прямо указывал, что Сильвестр «правил Русскую землю... заодно с Адашевым».

В исторической литературе можно встретить утверждения, будто Избранная рада развернула прогрессивные реформы, улучшила положение народа. Факты этому противоречат. Первым делом в 1547 г. были резко повышены налоги. Вышел указ «дань имати с сохи по 12 рублей». В общем-то деньги были нужны – для восстановления Москвы, на военные расходы. Но сумма была очень высокой, и летописец жаловался, что «крестьяном была тягота великая». А в административной и судебной системе не изменилось ничегошеньки. Разве что ставленников Глинских разогнали с выгодных мест – наместничества и прочие «кормления» передавали ставленникам Избранной рады. Но они набросились хищничать еще и похлеще, чем предшественники. Грабили не только горожан и крестьян, а даже мелких дворян, разоряли их «продажами» (штрафами), отбирали поместья.

Что же касается коренных преобразований страны, то Избранная рада их действительно замышляла. В России долгое время жил некий саксонец Шлитте. Откуда он взялся, чем занимался и в каких кругах вращался, остается неизвестным. В 1547 г. Сильвестр и Адашев с приятелями вытащили его ко двору, представили царю и назначили посланником к германскому императору. Ему ставилась задача набрать на русскую службу 120 специалистов. Но крайне любопытен список мастеров, которых ему поручалось нанять! В нем были врачи, литейщики, архитекторы, «рудознаты». А кроме них, обнаруживаются два юриста, четыре теолога, портной, восемь парикмахеров, певец, органист. Правителей Избранной рады явно интересовали европейские моды, развлечения. Им требовались специалисты в области западного права – очевидно, для реформ российского законодательства по зарубежным образцам. А теологи могли понадобиться лишь в том случае, если замышлялись реформы православия!

Шлитте прибыл в Аугсбург, на имперский сейм, получил аудиенцию у Карла V, и тот разрешил вербовать желающих. Но выяснилось, что посол имел еще и тайные полномочия. Он провел переговоры с Карлом, и был выработан проект союзного договора против Турции. Причем союз предусматривался неравноправный. Согласно проекту царь должен был помогать императору людьми и деньгами, а для обеспечения своей верности прислать в Германию заложников, 25 князей и дворян. Кроме того, предлагалось, чтобы Иван Васильевич организовал почтовую связь от Москвы до Аугсбурга (стало быть, вступил в союз с Польшей и Литвой), учредил совместный русско-германский рыцарский орден, а для войны с турками нанял 6 тыс. немецких солдат.

Мало того, миссия Шлитте не ограничилась Германией! От императора посланник отправился в Рим. Его принял папа Юлий III и передал в Москву очередной проект подчинить православную церковь Ватикану. За это папа обещал Ивану Васильевичу титул короля... Неужели безвестный саксонец на собственный страх и риск вел переговоры, принимал на себя такие поручения папы и императора? Конечно нет. За самоуправство в столь ответственных вопросах в Москве можно было поплатиться головой. Следовательно, посланник Избранной рады получил соответствующие инструкции, был уверен в высоком покровительстве.

Однако случилась накладка, и письма, отправленные со Шлитте, как и нанятые им специалисты, до России не доехали. В это время Ливонский орден и Ганза совсем обнаглели, перечеркнули мирные договоры с нашей страной и перекрыли ей связи с Европой. Не желали пропускать ни товаров, ни западных мастеров. А папа и император были им не указ – они ударились в Реформацию и воевали с католиками. Шлитте неосторожно держал путь через ганзейский город Любек, его арестовали и упрятали в тюрьму. В Москву он сумел вернуться лишь через 10 лет. Но ситуация во власти успела перемениться, и реализация проектов, которые он вез, стала невозможной.

Узел пятый

Опять «жидовствующие»

Правление Избранной рады не принесло России ни порядка, ни укрепления законности, никаких благ для народа. Наоборот, множились злоупотребления. И тогда-то Иван Васильевич начал реформы. Все данные говорят о том, что идеи выхода из кризиса ему подавал не Сильвестр или Адашев, а его старый наставник – св. митрополит Макарий. Этот искренний идеалист еще верил в возможность общего согласия. В феврале 1549 г. впервые в русской истории был созван Земский собор. В Москву было велено приехать всем чинам Боярской думы, иерархам церкви, представителям разных сословий от других городов. Избранная рада в таком широком собрании была абсолютно не заинтересована. Она-то уже находилась у власти. Но теперь было очевидно, что смена боярских группировок у руля государства никаких перемен к лучшему не дает, и царь решил обратиться ко «всей земле».

У историков этот Собор получил название «собор примирения» – целью ставилось объединить разные слои населения, забыть взаимные счеты и выработать меры для оздоровления державы. Открытие было совсем не парадным. Иван Васильевич перед митрополитом и священниками принес покаяние в своих грехах и в том зле, которое творилось во время его правления. Вышел на Красную площадь и с лобного места каялся перед собравшимся народом. Признавал, что бояре, правившие в его малолетство, притесняли людей, а он оставался «глухим и немым, не внимал стенанию бедных». Боярам пришлось изрядно попотеть. Иван Васильевич прилюдно вопрошал их: «Какой ответ дадите нам ныне? Сколько слез, сколько крови от вас пролилось? Я чист от сей крови, а вы ждите суда небесного». Но жестокости царь не хотел, объяснял народу: «Нельзя исправить минувшего зла, могу только впредь спасать вас... Оставьте ненависть, вражду, соединимся любовью христианской. Отныне я ваш судия и защитник».

На заседаниях Собора говорили о беззакониях и обидах, которые чинились «всем христианам», о бесправии простых людей перед властью имущими. Бояре винулись и просили прощения. Царь обещал положить конец такому положению, но суровые наказания грозили только на будущее. Прошлые предавались забвению, все опальные прощались. Отныне же все обиженные получали право подавать челобитные царю, рассматривать их требовалось быстро и без волокиты. Для укрепления законности началась разработка нового Судебника. А чтобы государственное управление не замыкалось в узкой группе лиц, была значительно увеличена Боярская дума, с 18 до 41 человека. Во исполнение решений Собора возникли первые в России постоянные правительственные учреждения – избы, они же приказы. Для приема челобитных учреждалась Челобитная изба.

Судебник был завершен и принят в июне 1550 г. Он не только обобщил существующие законы и указы. Внедрялись важные новшества, причем они нацеливались на защищенность простых людей. Четко определялись статьи дохода, на которые имели право наместники и волостели. В судах вместе с ними теперь должны были заседать выборные земские старосты и целовальники. *Мало того, Судебник впервые в Европе обеспечивал неприкосновенность личности! (Британский закон о неприкосновенности личности, Habeas Corpus Act, был принят только в 1679 г.) Наместник не имел права арестовать человека, не предъявив доказательств его вины земскому старосте и двум целовальникам. В противном случае староста мог освободить арестованного и по суду взыскать с администрации штраф «за бесчестье». Подтверждалось право освободить человека от наказания при надежном поручительстве.*

Расследование уголовных преступлений тоже должен был осуществлять не наместник – для этого по городам и волостям избирались губные старосты. В перечень преступлений впервые в России (и в Европе!) включались взятки. А вопрос о тяжких преступлениях решался только в Москве. Без доклада царю наместники не имели права «татя и душегубца и всякаго лихого человека... ни продати, ни казнити, ни отпустить». Судебник предусматривал и налоговую реформу, облегчающую положение простонародья.

Еще одной сферой, где важно было навести порядок, являлись дела церкви. Для этого несколько раз созывались Освященные соборы. На одном из них канонизировали еще 16 святых – князя Всеволода-Гавриила Псковского, мучеников князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора, святителей Нифонта, Евфимия, Стефана Пермского, преподобных Савву Вишерского, Ефросина Псковского, Григория Пельшемского и др.

Но потом начали готовить Собор о проблемах и недостатках церковной жизни, и опять вдруг разгорелся спор о церковной собственности. И если в царствование Василия III ярым апологетом нестяжательства выступал Вассиан Косой, то сейчас аналогичную позицию занял Сильвестр. Впрочем, сам он был весьма увертливым царедворцем, от конфликта с митрополитом уклонялся. Он лишь настраивал царя соответствующим образом. А для подкрепления привлек «старца» Артемия Пустынника, личность странную и сомнительную. Сперва он подвизался в Псковско-Печерском монастыре, ездил в Ливонию, имел какие-то беседы с заграничными богословами. А после этого ушел в «заволжские обители». Сильвестр откуда-то знал о нем, извлек из «пустыней» и представил государю.

По протекции Избранной рады никому не ведомого «старца» одним махом возвели на высокий и почетнейший пост, игуменом Троице-Сергиева монастыря! Вместе с Сильвестром он принялся поучать царя «села отнимати у монастырей». Но Иван Васильевич впервые нарушил безоговорочное повиновение Сильвестру. Слушал не только его и Артемия, а беседовал с митрополитом. В результате выработали компромисс. Церковная и монастырская собственность сохранялась, признавалась неприкосновенной. А в казну изымались земли, переданные боярами во время малолетства Ивана, а также взятые монастырями у «детей боярских» и крестьян «насильством», за долги (это было незаконно, земли «детей боярских» и черносошных крестьян принадлежали государю).

Возможно, половинчатое решение стоило бы Ивану Васильевичу скандалов со стороны Сильвестра, но очень некстати оскандалился Артемий Пустынник. Игуменом Троице-Сергиева монастыря он пробыл всего полгода. Монахи заподозрили его в ереси, и он поспешил удалиться. Объявил царю в нестяжательском духе, что намерен «питатися от рук своих». Но ушел отнюдь не в скит, а в богатый и многолюдный Порфирьев монастырь. Церковный собор прошел без его давления, получил название Стоглавого (его постановления составили 100 глав). Были выработаны общие правила церковной жизни, обращалось внимание на исправление изъязов. Кроме того, решениями Собора в России создавалась система образования – сеть школ в епархиях и монастырях.

Государь взялся и за военную реформу. Учредил первые части профессиональной пехоты, стрельцов. Переформировал полки поместной конницы, налаживал обеспечение дворян и «детей боярских» земельным и денежным жалованьем. Усиливалась артиллерия. Военные походы Иван Васильевич возглавлял сам, подтягивал дисциплину. Неудачи сменялись успехами, нашествия крымцев завершались для них серьезными взбучками, удары обрушились на Казань. Казалось бы, жить да радоваться! Россия начинала превращаться в «царство правды», перед ней открывались дороги к могуществу и процветанию.

Но благие замыслы искажались, преобразования смазывались. Расширили Думу – в нее вошли те же деятели Избранной рады: Курлятев, Шереметев, Палецкий, сам Адашев получил чин думного дворянина. В Судебнике постарались юридически закрепить права Боярской думы, которые она себе присвоила при Шуйских, – ее решения становились законами

без царского утверждения. А то, что не нравилось, спускалось на тормозах. Так, Иван Васильевич решил завести персональную гвардию, «лучшую тысячу» – отобрать самых надежных и доблестных «детей боярских», чтобы постоянно находились под рукой. Был издан указ, его приняли к исполнению. В «лучшую тысячу» зачислили 1078 человек. Но... во всех районах, прилегающих к Москве, для них «не нашли» земли. Указ о государственной гвардии похоронили.

Вроде бы теперь за любое беззаконие виновный должен был заплатить, обиженные могли подать челобитные царю. Но... во главе Челобитной избы царь поставил «добродетельного» Адашева, которому полностью доверял. А рядом с ним тут как тут оказался Сильвестр. Летописец даже указывал, что они в Челобитной избе «вместе сидели». Определяли, каким жалобам давать ход, каким нет. Но ведь наместниками по городам и уездам сидели их клеветы! Они по-прежнему могли вытворять, что им вздумается. Выборным земским старостам оспаривать их решения получалось слишком опасно.

В семейной жизни Ивана Васильевича добавлялись свои проблемы. У него рождались дочери Анна, Мария. Обе умерли во младенчестве, и Сильвестр играл на этом. Пугал царя, что над всем его родом тяготеет проклятие. Надо по-прежнему каяться, искупать грехи предков. А для этого безоговорочно выполнять наставления Сильвестра...

В октябре 1552 г., после долгих и жестоких боев царь овладел Казанью. Россия наконец-то избавилась от жутких набегов, терзавших ее чуть ли не каждый год, угонов десятков тысяч невольников. Иван Васильевич собственноручно воздвиг крест над поверженным городом. Чествовали героев, хоронили погибших. Но сразу же после победы стали твориться весьма странные вещи. Адашев, Курбский и некоторые воеводы принялись убеждать царя, что он не должен возвращаться в Москву. Доказывали, что ему со всей 150-тысячной армией надо остаться в Казани на зиму, до полного покорения здешней земли. С военной точки зрения эта идея была не просто неумной. Она была губительной. В разгромленной Казани и разоренной стране зимовать огромному войску было негде! Как его снабжать, когда начнется распутица, ледоход, а потом дороги завалит снегом? Половина ратников вымерли бы от болезней и голода. Или могли взбунтоваться.

Действительно, война еще не завершилась. По селениям и лесам бродили враждебные отряды. Но разве нужны были все русские полки и присутствие царя, чтобы гоняться по зиме за мелкими шайками? Нет, приближенным почему-то очень не хотелось, чтобы Иван Васильевич вернулся на Русь в славе победителя! Зачем-то требовалось, чтобы величайший успех обернулся бедой... Но против таких предложений выступила другая часть окружения Ивана Васильевича, родственники его жены, Захарьины и Морозов. Взвесив доводы тех и других, царь во второй раз не пошел на поводу у Избранной рады. Он принял оптимальное решение. Наместником Казани назначил князя Горбатого-Шуйского, выделив ему несколько тысяч воинов. Такой корпус мог без труда разместиться и прокормиться в городе, а по весне нетрудно было прислать дополнительные контингенты. Крупный гарнизон во главе с Петром Шуйским был оставлен и в Свияжске.

Государь отбыл в Москву. В Нижнем Новгороде встречало все население, и «благодарственный плач» заглушил пение священников! Люди, рыдая, благодарили Ивана Васильевича, спасшего их от постоянно нависавшего ужаса. То же самое происходило в Балахне, Владимире. А в Судогде навстречу прискакал боярин Траханиот с известием – Анастасия родила сына. Иван Васильевич одновременно стал победителем и получил наследника! Многотысячные толпы ждали государя и в Москве, люди протискивались поцеловать ему руку или сапог, славил «избавителя христиан». Встречали митрополит и бояре, служили благодарственный молебен в Успенском соборе.

Но в Москве справлялись торжества, а в Казанском крае и впрямь возобновились бои. Победа России встревожила соседей. К отрядам разгромленных казанцев пришли на

помощь астраханцы, ногайцы. Подстрекнули племена вотяков и черемисы перебить государевых сборщиков податей. А воеводы усугубили положение грубыми ошибками. Выслали на подавление совершенно недостаточные силы. Отряд из Казани, 800 человек, был окружен и уничтожен. Отряд из Свияжска потерял 500 человек. Известия, как лихо побили русских, быстро разносились по казанским селениям, разгорелось общее восстание.

И тут-то опять подали голоса советники из Избранной рады». Тыкали царя носом, что они были правы, предвидели! Виноват сам Иван Васильевич, не послушался. Ну а теперь надо... вообще отказаться от завоеванного края! Доказывали, что уже ничего нельзя поделить, казанская земля чужая, «бедственная» и удержать ее не получится. Из-за нескольких проигранных стычек царя понуждали перечеркнуть все усилия, все жертвы (да еще и опозориться после победных празднований)! Зачем? Именно из-за того, что взятие Казани чрезвычайно повысило авторитет Ивана Васильевича! Укрепляло его власть, возвышало в глазах народа. Значит, требовалось подорвать его успехи. (Кстати, удивляться этому нечего. Примерно так же вела себя французская, германская, венгерская знать, не желавшая усиления своих монархов.)

Однако государь снова отверг мнения советников. Ведь на самом-то деле никакой катастрофы не произошло! Если бы казанские и свияжские воеводы не распыляли подчиненных, дождались в крепостях подхода свежих войск, не было бы и поражений. Да и сейчас вместо паники следовало снарядить и послать туда армию... Но не послали. Потому что в марте 1553 г. царя вдруг свалила болезнь. Непонятная и внезапная. Ивану Васильевичу стало настолько худо, что его сочли безнадежным. Речь зашла о завещании. Государь метался в горячке, терял сознание, а в минуты просветлений продиктовал свою волю – присягать наследнику Дмитрию.

Однако неожиданно открылось, что у многих бояр уже имеется другой претендент. Владимир Старицкий. Правда, он был очень молод, но руководство взяла на себя его мать Ефросинья. Она и ее сын вели себя настолько откровенно, словно были уверены – царь уже не поднимется. Их дом наполнился вооруженными людьми. Они вызвали из удела свои дружины, собирали «детей боярских», подкупая их деньгами, щедро поили. Сторону Старицких приняли Иван Шуйский, Петр Щенятев, Иван Пронский-Турунтай, Дмитрий Немой-Оболенский, Семен Ростовский, Булгаковы и еще целый ряд сановников. Их подручные в полный голос славил по Москве Владимира Андреевича, а служить «пеленочнику» отказывались.

Когда Владимир Воротынский, принимавший присягу Дмитрию, сунулся к Старицкому, тот грубо обругал его и сыпал угрозы. Тесть царского брата Юрия, военачальник Палецкий, присягу Дмитрию все-таки принес, но в это же время договаривался со Старицкими – если они дадут Юрию большой удел, Палецкий поможет возвести Владимира на престол. Часть знати изменников не поддержала, но и от присяги царевичу уклонялась, объявив себя больными. Выжидала. А Адашев и Сильвестр оставались около царя, но даже их почитатели признают – они тайно подыгрывали Владимиру Андреевичу.

Народ был в ужасе, скорбно молился. Говорили: «Грехи наши должны быть безмерны, если Небо отнимает у нас такого царя». А противостояние накалялось. Иван Васильевич понимал, что умирает, но страшился не за себя, а за семью. Какова будет ее участь, он представлял вполне отчетливо. Умолял, когда его не станет, спасти царевича, если даже придется бежать с ним за границу. Обращался к родственникам жены: «А вы, Захарьины, чего испужались? Али чаете, бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецы будете. И вы б за сына моего и за его мать умерли, а жены моей на поругание боярам не дали!» Партия, сохранившая верность Ивану Васильевичу, – Мстиславский, Воротынский, Шереметев, Захарьины, Морозовы – заняла оборону во дворце...

Но произошло чудо. Народные молитвы были услышаны, царь почувствовал себя лучше. А коли так, на его сторону стали переходить колебавшиеся и выжидавшие развития событий. Тогда и заговорщики поджали хвосты. Поняв, что дело проиграно, во дворец явился каяться Владимир Андреевич. Бояре, охранявшие царя, не пускали его. Однако вмешался Сильвестр! Во время болезни царя он вел себя на удивление скромно. Ни разу не вступился в поддержку Анастасии и ребенка. Зато Старицкого взялся защищать очень горячо. Владимира обязали клятвенной грамотой «не думать о царстве». Но его мать еще не сдавалась. Не желала приложить к этой грамоте княжескую печать, хранившуюся у нее. Лишь после настойчивых требований митрополита прилепнула печать, однако не удержалась от комментария: «Что значит присяга невольная?»

Состав преступления был налицо: неповиновение царю, подготовка вооруженного мятежа. На законном основании можно было покарать виновных. Но Иван Васильевич не желал никому зла... Он до сих пор стремился быть таким, как учили его святитель Макарий, Максим Грек (и Сильвестр тоже): являть подданным мир, любовь, «милосердие согревающим». Оправившись от болезни, он всех бунтовщиков... простил. Обласкал Владимира Андреевича. Оставил на прежних местах своих советников. Адашева еще и повысил, пожаловал в окольничие, а его отца в бояре. Царь действовал истинно по-христиански: «И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим...»

Увы, Избранная рада была настроена совершенно иначе. Она очень быстро осмелела. В болезни Иван Васильевич дал обет, если останется жив, совершить паломничество по святым местам. Но опять начались странности. Сильвестр и его товарищи с какой-то стати взялись отговаривать царя. Он не согласился и в мае 1535 г. со всей семьей отправился в путь. Начал с Троице-Сергиева монастыря, посетил там престарелого св. Максима Грека. Но когда поехали дальше, Адашев и Курбский предприняли еще одну попытку остановить царя! Солгали, будто преподобный Максим передал через них страшное пророчество. Если Иван Васильевич не повернет назад, погибнет царевич Дмитрий.

Государь прерывать поездку не стал. Добрались до Дмитрова, побывали в Николо-Пешиношском монастыре. Здесь Иван Васильевич увиделся и беседовал с бывшим епископом Коломенским Вассианом Топорковым. Возможно, именно эту встречу старались предотвратить Адашев с Курбским. Топорков был племянником св. Иосифа Волоцкого, советником Василия III, а в монастырь его сослали Шуйские, когда захватили власть. Он очень многое мог рассказать государю об истинной политике его отца, о прежних оппозиционерах, еретиках.

Но как бы то ни было, жуткое пророчество исполнилось. Из Дмитрова по рекам отплыли в Кирилло-Белозерскую обитель. На одной из стоянок, поднимаясь по сходням в струг, кормилица каким-то образом уронила младенца в реку, он утонул. Совпадение? Ох, не верится в такие совпадения! Что же это за кормилица, которая так небрежно держала царского сына? И почему люди, находившиеся рядом, сразу не кинулись в воду за ребенком? Кстати, и в само «пророчество» позволительно не верить. Зачем стал бы св. Максим передавать столь деликатное предупреждение через Курбского и Адашева, если перед этим беседовал с царем и мог ему все сказать лично?

Зато «пророчество» очень четко совпало с желаниями Сильвестра и его товарищей. А чтобы понять истинную подоплеку, следует вспомнить, что перед этим умерли во младенчестве две дочери Ивана IV. Их-то в реку не роняли. Они были отравлены. Родители этого не знали, это выяснилось лишь при современном химическом анализе останков. Мамкой девочек была боярыня Курлятева, супруга одного из членов Избранной рады. А их смерть помогала Сильвестру подавлять волю царя, удерживать его под контролем. Теперь Иван Васильевич явно начал выходить из повиновения, вести себя самостоятельно. Вот и требовалось сломить его новым тяжелым ударом.

Хотя на этот раз замысел удался лишь отчасти. Авторы плана не учли великую любовь Ивана и Анастасии. Они поддержали друг друга, смогли перенести свалившееся на них горе. Но они были не просто мужем и женой, они были царем и царицей. Погиб не просто ребенок, погиб наследник! Значит, требовалось затаить и подавить свою беду, стрессы, переживания. Собрать волю и дать стране нового наследника. На обратном пути они остановились в Переславле, в крохотном монастыре св. Никиты Столпника, где жило всего шесть монахов. После молитв у мощей святого царственная чета сумела зачать ребенка. Это было никак не легкомыслие, не бездумный порыв плоти, это был высший долг. Ради державы, ради будущего...

28 марта 1554 г. родился царевич Иван. Радость отца и матери была искренней и безмерной. Но царь хотел дополнительно укрепить мир и согласие в стране. Было составлено новое завещание, объявлявшее наследником Ивана Ивановича. На случай, если государь умрет, а царевич будет еще малолетним, Иван Васильевич назначил его опекуном... Владимира Старицкого! И не только опекуном. Если царевич тоже умрет до совершеннолетия, Владимир Андреевич назначался наследником престола! На вражду царь отвечал доверием. На интриги и подлость – дружбой. Конечно, двоюродный брат благодарил за оказанную честь. Принес новую присягу верно служить государю и его сыну, не замысливать зла против них и царицы. Но намеревался ли он выполнять свои клятвы?

Среди тех, кто сомневался в этом, была Анастасия. В страшные дни мятежа 1553 г., когда муж метался в беспамятстве, она видела или слышала нечто такое, что убедило ее – против их семьи действует мощный заговор. И не кто иные как Сильвестр с Адашевым являются тайными врагами. Она поделилась подозрениями с супругом, но Иван Васильевич не придавал им значения. Считал, что его советники допустили временную, вполне простительную слабость. А жена преувеличивает, увлеклась собственными фантазиями. Но Анастасия была уверена: лидеры Избранной рады целенаправленно вредят им и готовятся погубить. Только доказательств она не имела. Но она повела собственную борьбу.

Что ж, подходящий случай представился очень быстро. Обнаружилось, что в России по-прежнему процветает ересь «жидовствующих». При дворе служил дворянин Матвей Башкин, его втянули сектанты, но он оказался полным дураком. Взялся доказывать своему духовнику, священнику Благовещенского собора Симеону, что православие заблуждается. Тот ужаснулся, доложил настоятелю собора – всемогущему Сильвестру. Но Сильвестр попытался спустить дело на тормозах. Велел Симеону шума не поднимать, просто наблюдать за Башкиным. Однако еретик был слишком глуп. В болтовне хулил Христа, Священное Писание, называл иконы «окаянными идолами», а Симеону принес книгу «Апостол», где пометил места, казавшиеся ему неправильными.

Оставить это без внимания было уже невозможно. Доложили митрополиту, царю. Башкина взяли под стражу, его допрашивали ученые старцы, специалисты по ересям, и выяснилось, что речь идет именно о ереси «жидовствующих». Сохранились записи, что государь и митрополит в это время перечитывали «Просветитель», основной труд св. Иосифа Волоцкого, направленный против «жидовствующих». А в октябре 1553 г. Иван Васильевич посетил Ростовский Богоявленский Авраамиев монастырь – в годовщину взятия Казани там освящали храм. Здесь государь взял великую реликвию, посох. Тот самый посох, с которым мы видим Ивана Грозного на картинах. Но он был не обычным изделием. По преданию, он принадлежал св. Авраамью. А святому достался от св. Евангелиста Иоанна Богослова, явившегося по его молению. Этим посохом св. Авраамий сокрушил бесовских идолов в Ростовской земле. Очевидно, и царь взял его, чтобы укрепиться для схватки с ересью.

Следствие выявило, что Башкина завербовали выходцы из Литвы, аптекарь Матюшка и Андрюшка Сутеев. В секте состояли Иван и Григорий Борисовы-Бороздины, монах Белобаев, они были связаны с рязанским епископом Кассианом. Впрочем, весьма инте-

ресными представляются и другие связи. Борисовы-Бороздины являлись родными братьями Ефросиньи Старицкой, приходились дядями Владимиру Андреевичу, поддерживали его во время бунта. Судя по всему, на их стороне был и Башкин. Кроме того, он был близок к Адашеву и Шуйским, они вместе выступали поручителями за князя Турунта-Пронского, пытавшегося бежать в Литву.

Осенью 1553 г. состоялся Освященный собор. Башкин то ли симулировал сумасшествие, то ли действительно впал в прострацию, плел околесицу. Впрочем, Иван IV даже к еретикам проявил милосердие (против смертной казни выступал и его наставник Сильвестр). Всем сохранили жизнь, разослали по монастырям. А престарелого епископа Кассиана, которого разбил паралич, вообще оставили в покое. Однако на процессе Башкин проговорился, что видным наставником «жидовствующих» являлся Артемий Пустынник. Тот самый «старец», которого Сильвестр навязывал царю в качестве «учителя»!

Как стало известно, уйдя в Порфирьев монастырь, он успел создать там общину еретиков. От нее отпочковалась группа Феодосия Косого, понесла заразу в Новоезерский монастырь. Когда Артемия вызвали на Собор, он вел себя довольно независимо, отвечал уклончиво. Но после первого допроса попытался бежать из Москвы. Его задержали и взяли уже более строго. Открылось, что он искажал учение о Святой Троице, о загробной жизни, даже был повинен в каких-то «блудных грехах» (может быть, гомосексуализме). В январе 1554 г. Артемия отлучили от церкви и сослали на вечное заточение в Соловецкий монастырь.

А в Москву вслед за ним доставили еретиков из Порфирьева и Новоезерского монастырей. Тут уж выявили «полный набор». Феодосий Косой считал Христа не Богом, а лишь «наставником», утверждал, что мир существует «безначально», живые существа «самобытны», а за Богом оставил лишь функции художника, «подновляющего» мир. Не признавались Святые Таинства, церковь называлась «кумирницей». Отрицались святые, монашество, даже само христианство. Доказывалось, что «все веры в всех землях одинаковы». И царство отрицалось! Управлять людьми и заменять церковь должны были «соборы верных» – таких, как сам Феодосий и Артемий.

Анастасия и партия ее родственников Захарьиных попытались использовать процессы против еретиков, чтобы разделаться с Сильвестром. Против него выступил глава Посольского приказа дьяк Висковатый. Действовал он не сам по себе, материалы для обвинения ему представили Василий Захарьин-Юрьев и Михаил Морозов (свояк Захарьиных). Висковатый подал митрополиту «писание», что «Башкин с Артемьем советовал, а Артемий с Сильвестром». Но удар был нанесен неумело. Обвинители хотели поразить противника посильнее, и свалили «до кучи» все что можно. В том числе то, что Сильвестр поместил в Благовещенском соборе неканонические иконы. А это легко опровергалось. К тому же получалось, что Висковатый три года видел иконы и молчал, а сейчас вдруг выступил.

Но у Сильвестра хватало сторонников среди церковников, бояр. Они дружно нажали на митрополита, и наряду с иконами все обвинение в целом было признано клеветой. На Висковатого наложили трехлетнюю епитимию. Хотя стоит обратить внимание на еще один красноречивый факт. Из сектантов пострадала лишь мелкая сошка. Главные еретики, Артемий Пустынник и Феодосий Косой, ускользнули от наказания! Казалось бы, как должны везти и содержать преступника, осужденного самим царем и Освященным собором? Но Артемий бежал, не доехав до Соловков. Пробрался в Литву. А Феодосий и несколько его единомышленников сумели удрать прямо из Москвы! Тоже очутился в Литве – причем в протестантской среде Косого признали выдающимся мыслителем. Отсюда видно – у еретиков остались покровители в высших эшелонах власти.

Между прочим, факты показывают, что к «жидовствующим» принадлежали не только Сильвестр и Адашев, но и Курбский. В своих последующих работах он вовсю нападал

на православную церковь, на «злых иосифлян», но выступал искренним почитателем Василиана Косого и Артемия Пустынника. Иван Грозный позже напишет Курбскому: «Я хотел подчинить вас своей воле, и вы за то святыню Господню осквернили и поругали! Осердясь на человека, на Бога восстали». Впрочем, в этом не было ничего необычного. В средневековой Европе все люди так или иначе были верующими. Поэтому политическая оппозиция часто смыкалась с религиозной. Присяга являлась священным актом, а переход в ересь позволял нарушить ее, давал изменникам идеологическую опору. Точно так же на Западе аристократы подхватывали гуситские, лютеранские, кальвинистские учения.

На Руси временичники не позволили себя разгромить. Дьяк Висковатый, получив суровый урок, переметнулся на их сторону – пристроился к Адашеву. И только Анастасия по-прежнему была настроена бороться. Она сама взялась организовывать охрану младенца Ивана и родившегося вслед за ним Федора – это дало результаты, череда детских смертей прекратилась. С помощью родственников и сторонников царица развернула собственное расследование делишек Избранной рады. Одним из тех, кого оно коснулось, стал князь Семен Ростовский.

Он участвовал в мятеже 1553 г., был не только прощен, а даже получил боярский чин. Однако многие важные подробности бунта еще не были известны царю. А летом 1554 г. Ростовский вдруг обнаружил – следствие продолжается и приближается к нему. Он запаниковал, что «не удастся это дело укрыть». Могли раскрыться настолько опасные детали, что князь Семен вместе со всей родней Ростовскими, Лобановыми, Приимковыми, Катывевыми переполошились и вознамерились бежать в Литву. Готовы были бросить обширные вотчины, доходы, абы самим уцелеть. К королю Сигизмунду II отправили Никиту Лобанова-Ростовского договориться, чтобы принял высокопоставленных эмигрантов.

Но не получилось. Посланца задержали в Торонце, он раскололся. Изменников арестовали, и они предстали перед судом Боярской думы. Семен Ростовский действительно выложил много нового о прошлом мятеже. Назвал организаторов, планы, признался, что царевича Дмитрия (а значит, и царицу) хотели умертвить. Сообщил, что в заговоре, кроме известных царю лиц, участвовали Куракины, Семен Микулинский, Петр Серебряный «и иные многие бояре, дети боярские и княжата». Но, как отмечает академик Р.Г. Скрынников, разбиравший материалы процесса, судьи «намеренно не придали значения показаниям князя Семена насчет заговора». Дело замяли, не стали раскручивать.

Правда, обвинений и без того хватило. Открылось, что крамольники были связаны не только с еретиками, а уже давно поддерживали контакты с Литвой. Ростовские вели переписку с Сигизмундом II, договаривались о переходе к нему в подданство. А летом 1553 г. в Москве Семен Ростовский тайно встречался с литовским послом Довойной, выдал секретные решения Боярской думы, хулил свою страну и царя. Рассказав о восстании, охватившем Казанский край, советовал королю и панам использовать ситуацию и ударить на Россию. Боярский суд приговорил Ростовского «со товарищи» к смерти.

Теперь царь знал, что планировалось уничтожить его семью. Был законный приговор, вынесенный самими же боярами. Но... и на этот раз кары не последовало. С ходатайством выступили митрополит, бояре. Сильвестр в очередной раз напомнил царю о греховности гнева и пользе «кротости». Да и сам Иван Васильевич все еще надеялся править добром и лаской. Он помиловал осужденных. Вместо плахи их выставили «на позор» и отправили в Белоозеро – традиционное место ссылки знатных особ, где они могли жить со значительными удобствами, семьями, слугами. А временичники помогли, чтобы условия наказания были еще мягче. Впоследствии Грозный писал Курбскому, что после осуждения Ростовского «поп Селивестр и с вами, своими злыми советниками, того собаку учал в великом бережении держати и помогати ему всем благими, и не токмо ему, но и всему его роду».

В общем, вторая атака Анастасии тоже окончилась ничем. Сильвестр и Адашев остались в полной силе. Да еще в какой! Наместник Казани князь Горбатый-Шуйский, один из самых знатных и могущественных аристократов, счел нужным обратиться не к царю, а к Сильвестру, просил у него инструкций, как управлять краем. Священник, не имеющий никаких официальных постов, кроме настоятеля придворного собора, направил ему подробные указания! Мало того, велел прочесть свое послание «прочим государским воеводам... и священному чину». Горбатый-Шуйский не возмущался, не протестовал, воспринял как должное. А Адашев широко пользовался правами, которые открывало перед ним руководство Челобитным приказом. Инспирировал жалобы на неугодных. Обвинял противников, что они «волочат» челобитные, переданные на их рассмотрение – по закону, за это полагалось наказывать. Летописцы отмечали: если кто-либо посмел вызвать неудовольствие Адашева, такому человеку «бысть в тюрьме или сослану».

Сразу после суда над Ростовскими Избранная рада нанесла ответный удар по партии Анастасии. Данила Захарьин-Юрьев был отстранен от должности дворецкого Большого дворца, Владимир Захарьин-Юрьев снят с поста тверского дворецкого, сослан в Казань. Опалам и ссылкам подверглись родственник Захарьиных казначей Головин, близкий к ним хранитель государственной печати Никита Фуников Курцов... Партия царицы подверглась разгрому! Зато возвышались другие. Получили боярские чины Курбский, Катырев-Ростовский – один из вчерашних подсудимых, не сумевших сбежать в Литву. Да и Семена Ростовского через год вернули из ссылки ко двору. Только чин боярина ему не восстановили. Видимо, за то, что на суде не держал язык за зубами.

Узел шестой

Ловушка для России

В 1550-х гг. в России установилось странное двоевластие. Ивана IV почитали как царя, но реальную власть подмяла Избранная рада. О Сильвестре современники сообщают, что он правил, «аки царь», разве что не сидел на троне. Он не забывал и свой кошелек, сына Анфима устроил на «золотое дно», во главе Таможенной избы. И куда, спрашивается, подевался смиренный юноша Адашев, простаивавший ночи в молитвах и ухаживавший за больными нищими? Он превратился в могущественного сатрапа. Сам налагал опалы, сажал в тюрьмы, докладывал царю проекты законов, формулировал решения, раздавал назначения – сохранились жалованные грамоты, выданные по приказу не царя, а Адашева! Себе он нахал огромный земельные владения.

А положение страны ухудшалось. С 1547 г., с появления Сильвестра, и до середины 1550-х гг. налоги выросли в 4,5 раза. Но это было еще не худшей бедой. Ключевые посты распределялись между клевретами Избранной рады. Поборы, вымогательства, штрафы дошли до беспредела. А законы, призванные защитить людей, не работали. Кому подавать жалобы, если в Москве заправляют покровители преступников? Разорялось не только простонародье, а даже «дети боярские». Влезали в долги, а Боярская дума приняла драконовский закон – те, кто не уплатил в месячный срок, превращались в холопов. Бедноту обращали в неволю и без долгов. Просто заставляли работать на себя или объявляли беглыми. Попробуй докажи, что это не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.